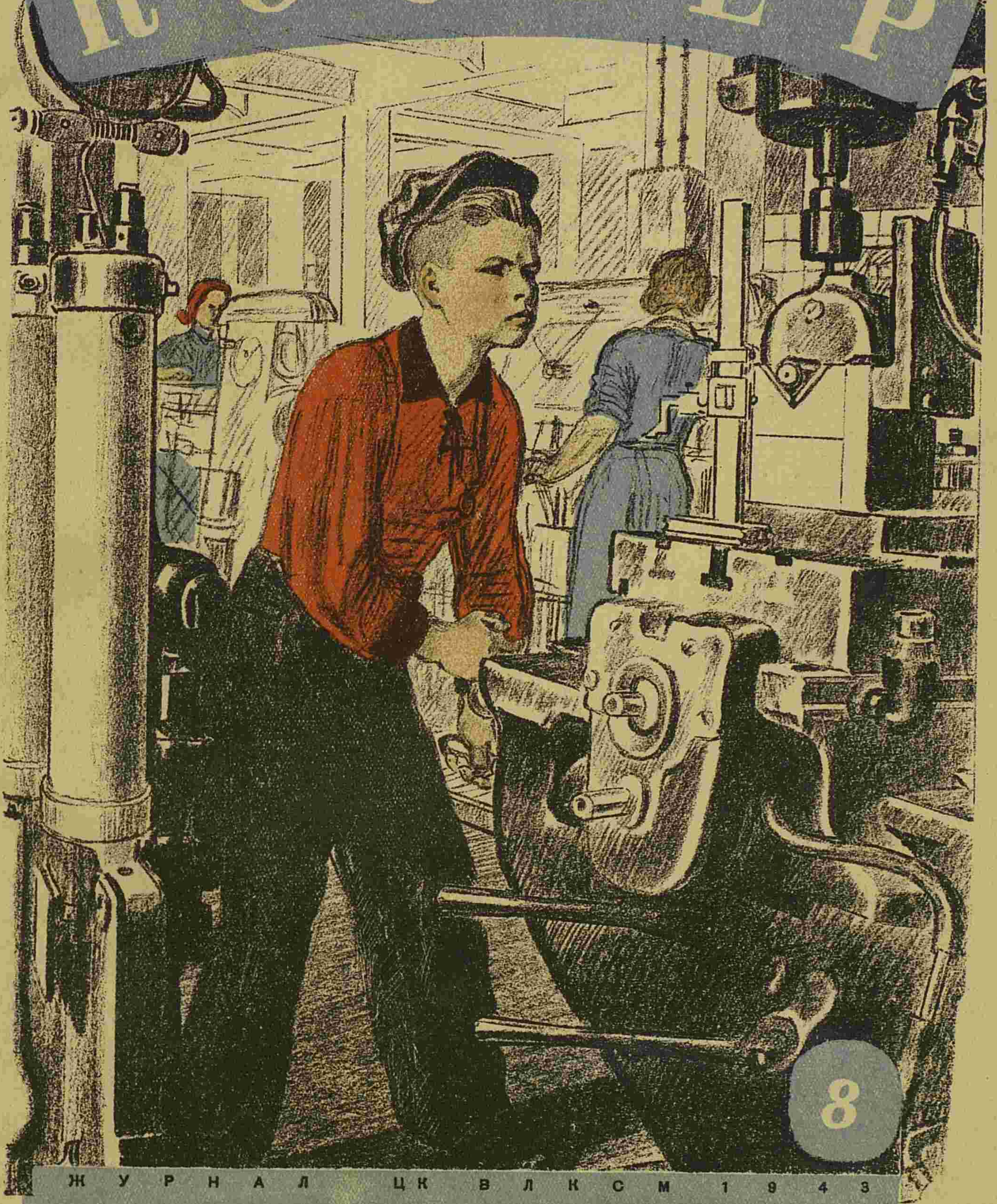

КОСТЁР

8

ВЕЛИКИЙ ГЕТМАН

Бескрайни просторы украинские. Прекрасна земля плодоносная Украины; тучен ее чернозем, полноводны ее реки, привольны ее степи.

Но не видел счастья народ украинский. Зарились враги на богатства его исконные. Ради прихоти панской полыхали пламенем пожаров хутора разрушенные, развеяны были скирды хлебные, расхищены закрома богатые, угнаны табуны коней быстрых...

Паны-притеснители в те далекие годы были так же ненавистны украинцам, как теперь нам захватчики-фашисты. Не смирился, не покорился тогда свободолюбивый народ Украины. Нашлись сабли острые, ружья испытанные, кони послушные у казаков — сынов украинских. Было это в год 1648. И повел их войной на панов гетман мудрый — Богдан Хмельницкий.

Далеко, далеко от Желтых Вод, от Короуни по полям и нивам окрестным пронесся гул боев жарких, кровопролитных. Гремели литавры и трубы панские. Гулко падали пищали семирядные. Звонком сабель, свистом нагаек, треском залпов ружейных отвечали им казаки.

Дымом заволокло села украинские. И стар и млад, кто только мог оружие носить, всяк спешил на подмогу войску украинскому, гетману Хмельницкому. В засадах тайных, в полях открытых подстерегали казаки недругов своих. И долгие годы не затихала битва упорная и злая. Бились, боролись украинцы за свободу желанную, а силы их слабели. Где же искать помощь братскую, защиту от врагов?

Думали о том атаманы, думал о том гетман их великий. Крепко думали и порешили: просить Государство Русское принять народ украинский под свою высокую руку. „Кроме мы не найдем благодетнейшего пристанища“, — так гетман Хмельницкий говорил народу своему о присоединении Украины к Москве. Выслушал народ украинский своего гетмана, согласием ответил и присягу принял на верность Русскому Государству.

Теперь, в дни Великой Отечественной войны, бьются народы-братья с врагами заклятыми. Борются дружно за свободу земли своей, укрепляя союз свой братский, нерушимый. И тем, кто отличился в боях упорных и злых за освобождение земли родной от захватчиков немецких, тем вручают орден Богдана Хмельницкого, орден, учрежденный в память того, кто дорог сердцу украинского и русского народа.

П 29

41a

КОСТЁР

8

НОЯБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦК ВЛКСМ ★ 1943 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

Мы наступаем

Леонид Хаустов

Где в клубящемся дыме пожарищ
Лижет крыши на хатах огонь, —
Снова слышится слово „товарищ“
И ложится ладонь на ладонь.

И в счастливых слезах украинка
Выбегает к бойцу, словно мать:
„Ты пришел, ты вернулся, мой сынку,
Только нечем тебя угощать.“

Все разграбил насильник проклятый,
Хату сжег и повырубил сад!“
Ей в ответ: „Не горюй, моя маты,
Он вовек не вернется назад.“

Я за всё отплачу ему, немцу,
За слезу горевую твою.
Пожелай же от чистого сердца
Мне солдатской удачи в бою!“

Она строго в глаза заглянула,
Обняла его плечи рукой
И к его автомату прильнула
Материнскою старой щекой.

★

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Вспомни,—год назад всякий советский человек засыпал с тревожной мыслью: что-то сейчас в Сталинграде?—и утром, просыпаясь, нетерпеливо ждал, скоро ли заговорит радио, какие новости принесет оно о Сталинграде...

На улицах Сталинграда уже шли непрерывные бои. Враг ворвался на окраины, захватил ряд кварталов, но взять город так и не смог.

Старинная русская река, красавица Волга пенилась, как в бурю, от разрывов снарядов и мин, но наши буксиры, катера, лодки днем и ночью подвозили героическому городу новые воинские части, пушки, боезапас. Бойцы высадившись на берег под ливнем огня, с ходу бросались в бой и теснили немцев, освобождая дома, улицы, кварталы. Над городом летали немецкие самолеты, они сбрасывали тысячи фугасных бомб. Но ничто не могло подавить сопротивления защитников Сталинграда...

Гитлер хвастливо заявил: взятие Сталинграда—вопрос нескольких дней. А в это время новые части Красной Армии перешли в решительное наступление севернее и южнее Сталинграда, прорвали немецкую оборону и стали окружать немецкие армии. Немцы попытались подбросить подкрепления и разорвать кольцо окружения. Не вышло! Подкрепления были разгромлены Красной Армией и отогнаны далеко на запад. Окруженным фашистским частям нехватало снарядов, горючего, продовольствия. Тогда немцы попытались снабжать свои войска по воздуху на мощных транспортных самолетах. Наши зенитчики и истребители не пропустили тяжело нагруженных „Юнкерсов“. Сотни этих „Юнкерсов“ загорались, взрывались в воздухе, падали на землю... Голодные немцы съели коней румынской конницы, ели собак и кошек. Советская артиллерия открыла небывало мощный огонь и принудила немцев сдаться. Около ста тысяч солдат и офицеров, двадцать три немецких генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом стали пленниками победоносной Красной Армии.

Так начался этот год великих побед. С этих пор Красная Армия уже не выпускала боевой инициативы из своих рук. Не успели еще немцы опомниться от сталинградского разгрома, как Красная Армия нанесла им ряд мощных ударов на Северном Кавказе, отогнала их от нефтяных районов Моздока и Грозного, с Кубани. Нанесла немцам чувствительные удары в Донбассе, под Харьковом, в Великих Луках, под Воронежем...

Ты помнишь этот день, 18 января 1943 года, когда радио принесло радостную весть о том, что войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились, прорвав блокаду Ленинграда.

Много радостных побед дала нам зима 1942/43 года. Много тяжелых поражений нанесли наши войска немецким захватчикам. Но немцы уверяли,

что все дело в русской холодной зиме, что их бьет „генерал Мороз“, а вот придет лето, и они наверстают потерянное.

И вот настало лето.

В районе Курска, где наши войска широким клином выдвигались вперед, немцы бросили огромные силы в одновременное наступление на Курск с севера—от Орла и с юга—от Белгорода, чтобы смять, окружить, уничтожить наши войска. Но ни „тигры“, ни „Фердинанды“ не помогли. Красная Армия отразила немецкое наступление, в упорных боях измотала силы немцев, а затем сама перешла в наступление. Начавшись в районе Курска, наше „летнее“ наступление распространялось по всему необъятному фронту. Взламывалась немецкая оборона, освобождался город за городом, область за областью. Взвились красные знамена над Орлом, над Белгородом, над Харьковом, над Брянском, над Смоленском и десятками других русских и украинских городов. Ударами с суши, с моря и с воздуха возвращен Черноморскому флоту военный порт Новороссийск. Освобожден от немцев Таманский полуостров, навсегда выгнаны немецкие разбойники из Донецкого бассейна, штурмом взяты Запорожье и Мелитополь, где немцы сопротивлялись особенно упорно. Вот уже Красная Армия устремилась дальше, отрезала от суши немецкие войска в Крыму и завязала с ними бой у Перекопа и Сиваша... Немцы поспешно отступали, надеясь остановиться и закрепиться на правом берегу Днепра. Широкий и глубокий Днепр, крут его правый берег, нелегка переправа через него под шквальным огнем батарей! Но части Красной Армии стремительно переправились через Днепр в одном, в другом, в третьем, в четвертом месте... Освободили от немецкой нечисти Днепропетровск, Днепродзержинск. Уже новая радостная весть облетела всю нашу страну, весь мир: свободен Киев, славная столица Украины!... А части Красной Армии двигаются все дальше, дальше на запад. Они теснят немцев, освобождают от немецкого гнета всю нашу истрадавшуюся землю...

Но подумай о том, каким тяжким боевым трудом дается каждая победа, как много сил, серьезной подготовки, командирского умения, напряженных усилий всех—от генерала до бойца—требуется для того, чтобы осуществить успешную боевую операцию в сложных условиях современной войны!

Ты читал, как форсировали бойцы Красной Армии широкие реки—Северный Донец, Десну, Сож, Днепр? Ты наверное знаешь, что все наши реки имеют низкий восточный берег и высокий, крутой западный берег. Это усложняло нашу переправу и облегчало немцам оборону.

Одну из переправ севернее Киева начали всего пять бойцов. Командир мотострелкового батальона

Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

спросил своих бойцов: „Кто хочет первым переплыть Днепр и привлечь на себя огонь и внимание немцев, чтобы обеспечить переправу всего батальона?“ Это была трудная и опасная задача, но все бойцы сделали шаг вперед, и каждый сказал: „Я хочу!“ Командиру пришлось самому отобрать наиболее подходящих бойцов. Четыре бойца и молодой украинский партизан, хорошо знающий эти места, под огнем врага переплыли Днепр, выскочили на берег, окопались на высоком берегу и завязали перестрелку с немцами. А в это время с другого берега уже переправлялся весь батальон, — бойцы плыли на лодках, на бревнах, загребая воду вместо весла саперной лопаткой, плыли на воротах от сарая, на мешках, сшитых из плащпалаток, набитых соломой... Батальон, не отдохнув и не обсушившись, вступил в бой и несколько суток отражал непрерывные атаки немецкой пехоты и танков... За этим первым батальоном уже переправлялись новые части. Саперы совместно с танкистами и местными колхозниками-плотниками под жестоким ураганным огнем забивали сваи в речное дно и строили мост через Днепр, чтобы переправлять танки, орудия, снаряды. Быстрое течение валило сваи, снаряды немецких пушек разбивали их в щепы... Немецкий огонь так мешал работать днем, что решено было заготавливать сваи и целые пролеты моста в лесу, поодаль от берега, а устанавливать их ночью, в темноте... Мост был построен, и хлынули по нему на поддержку обороняющейся пехоте тяжелые танки и мощная артиллерия. Вместе с пехотой они стали расширять плацдарм...

Читал ли ты, как танкисты впервые в истории переправились через реку Десну в районе Киева по речному дну, потому что нельзя было терять времени на постройку моста? Командир танковой части сам вплавь наметил путь и поставил вешки, и танки, заливаемые водой, прошли за ним. С ходу эти танки вступили в бой, победили и победителями вошли в Киев...

Читал ли ты, как связисты тянули провод телефона через Днепр, как снарядом потопило их лодку? Как связисты в одежде поплыли в ледяной воде, преодолевая быстрое днепровское течение, и раненые, теряя сознание, все же не выпускали из рук катушки провода, — и связь между берегами была установлена? ..

6 ноября 1943 года, в канун XXVI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в Москве, как всегда, выступил с докладом товарищ Сталин, вождь нашего народа, Верховный Главнокомандующий Красной Армии и Маршал Советского Союза. Он подвел итог славному году побед.

„В результате этих наступательных операций, — сказал Сталин — нашим войскам удалось в течение истекшего года пройти с боями от 500 километров в центральной части фронта до 1300 километров на Юге, освободив до 1 миллиона квадратных километров территории, то есть почти до $\frac{2}{3}$ Советской земли, временно захваченной врагом, при этом вражеские войска оказались отброшенными от Владикавказа до Херсона, от Элисты до Кривого Рога, от Сталинграда до Киева, от Воронежа до Гомеля, от Вязьмы и Ржева до подступов Орши и Витебска“.

Посмотри на карту нашей Родины, найди все эти города, отметь и запомни славный победный путь наших войск, — запомни крепко, потому что все советские люди и всё трудящееся человечество будут всегда прославлять советские победы 1943 года. И ты всю жизнь будешь гордиться тем, что был современником этих грозных и славных событий!..

ПОЧЕМУ НАША СОВЕТСКАЯ РОДИНА ДОБИЛАСЬ ТАКИХ ПОБЕД?

Ты помнишь, как уезжали из Ленинграда эвакуированные в тыл ленинградские заводы? На грузовиках, на трамвайных платформах двигались через город, уже под немецким обстрелом, станки и машины. На них сидели рабочие, мастера, инженеры, бледные от горя, — трудно покидать родной город в тяжелую минуту!.. И горько было остающимся ленинградцам провожать их... Сдвинувшиеся с привычных мест заводы переправлялись через Ладожское озеро на баржах и кораблях, потом долго ехали по железным дорогам в далекий тыл... На новом месте рабочие и инженеры совместно с уральскими, сибирскими рабочими, колхозниками, домохозяйками и подростками в недели, вместо месяцев, возводили стены заводских корпусов, устанавливали машины. Еще не была настлана крыша над цехом, а уже завод собирал и выпускал первый танк. Еще налаживалось производство, а завод работал уже дни и ночи, без отдыха, выпускающая с каждым днем все больше и больше танков, самолетов, орудий...

Немцы захватили большую часть Украины, Кубанских степей — богатые хлебные районы нашей страны. А в других хлебных районах нашей Родины не хватало рабочих рук, потому что взрослые мужчины пошли на фронт.

Представь себе семью Ивана Тарасова из деревни Александровки: он и его два сына ушли в армию, в деревне осталась его жена с младшим, пятнадцатилетним сыном Колей, с двенадцатилетней дочкой Аней и еще двумя ребятами поменьше, да с дедом и бабкой. Как одной семье вспахать и засеять поля, скосить, убрать, обмолотить, свезти на мельницу урожай хлеба, ухаживать за скотиной, вырастить овощи, картошку, заготовить на зиму дров? Это было бы сделать очень трудно, не будь в деревне Александровке колхоза „Новый путь“. Жена Тарасова стала работать в полевой бригаде, Коля сделался трактористом и умудрился на своем тракторе выполнять по две нормы, Аня на животноводческой ферме ухаживала за телятами, бабка стала бригадиром на колхозном огороде, дед — конюхом, а младшие ребята с другими школьниками помогали пропалывать гряды и делали всякую нетяжелую работу. И эта семья и другие семьи колхозников работали старательно. Сообща они справились с большим колхозным хозяйством, сдав государству всё, что полагалось, да еще сдали хлеба сверх плана в фонд главного командования Красной Армии и еще в фонд помощи районам, освобожденным от немецкой оккупации...

Ты, ленинградец, хорошо знаешь, как важно, чтобы хлеб, выращенный в тылу, был вовремя доставлен фронту и населению городов. Когда наши славные войска прорвали блокаду Ленинграда, железная дорога соединила наш город со всей страной.

Знаешь ли ты, как порою трудно приходилось железнодорожникам доставлять поезда в Ленинград?.. Один участок пути, проложенный по болоту, проходил очень близко от врага. Рельсы заливало мутной болотной водой, так что колеса бурлили в воде. А немцы обстреливали участок из пушек. Чтобы найти повреждения, путейцы наощупь в воде проверяли путь. Найдут разбитый рельс, шпалу — и заменяют их, чинят повреждение, лежа в воде. Только они починят, — сразу несутся по исправленному пути поезда. Немцы снова открывают огонь, и машинист ведет поезд среди разрывов снарядов. Загорится вагон, — кондукторы тушат сами, иногда на ходу поезда, чтобы скорее вывести состав из зоны обстрела... И всё-

таки поезда аккуратно приходили в Ленинград, на фронт, всюду, где их ждали...

Так работал весь наш многомиллионный советский народ, не щадя ни сил своих, ни жизни, лишь бы победить ненавистного врага, лишь бы отстоять свою прекрасную Советскую Родину!

Гитлер хвастался, что его бронированные армии завоюют ему мировое господство, что все народы мира, как рабы, будут служить немцам. Упоенный легкими победами над малыми и разрозненно действующими странами, Гитлер бросил свои армии на великий Советский Союз... и сорвался. Да так, что теперь не знает, как сохранить голову на плечах.

Советский Союз выдержал такой натиск, какой не могла выдержать ни одна другая страна. И не только выдержал, но собрал силы и стал бить немцев. Это произошло потому, что мы боремся за свою свободную трудовую Родину, за свой дом, свою семью, за будущее своих детей. В этой правой борьбе мы оказались сильны и непобедимы потому, что вот уже двадцать шесть лет, как все народы нашей огромной Родины соединились в единое дружное Советское государство. Мы привыкли бороться и работать сообща, единой семьей, и когда враг захотел отнять у нас свободу, мы встали на бой так же сообща, единой, боевой семьей.

Мы победим потому, что во главе нашего народа стояли и стоят коммунисты, члены славной партии большевиков, которая под руководством Ленина и Сталина создала советский строй, сплотила народы нашей страны, соединила усилия рабочих, крестьян, интеллигенции в едином труде на благо всего народа и сейчас ведет нас к победе.

Ты знаешь, что делает командир в бою, если становится особенно трудно? Командир призывает: „Коммунисты, вперед!“ — и поднимаются коммунисты, а за ними поднимаются в стремительную атаку и все бойцы.

Коммунисты выходят вперед и в бою, и в труде... За ними, вместе с ними сомкнутым строем идет весь наш народ — от мала до велика — по пути, указываемому [нашим мудрым и храбрым вождем товарищем Сталиным.

ТЫ — ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Ты сейчас еще молод для того, чтобы сражаться самому. Победу на фронте завоюют твой отец, твои братья и сестры. Но ты можешь многим помочь и сейчас. Твоя мать много работает, помоги ей в домашней работе, поухаживай за нею, чтобы она могла отдохнуть и набраться сил. Посмотри, чем ты можешь помочь семьям фронтовиков, сиротам, инвалидам войны. Вместе со своими товарищами напили и наноси нуждающимся дров, поиграй с маленькими ребятами, выполни поручение, принеси книжку, газету.

Ты еще молод, но скоро ты станешь полноправным гражданином. Огромная созидательная работа ожидает твое поколение. Подумай, сколько усилий потребуется от всех нас, и в первую очередь от молодежи, чтобы снова засияли огнями сотни заводов и электростанций, чтобы снова зацвели вырубленные и сожженные немцами леса и сады, чтобы через реки снова перекинулись мосты, чтобы каждый искалеченный немцами город, посёлок возродился к жизни и стал прекраснее, чем раньше.

Да, мы дорого спросим с немцев за всё, ими содеянное. Мы не забудем и не простим им ни одного дерева, ни одного камня, искрошенного снарядом. Они возместят нам всё сполна. И на развалинах войны мы построим новую, светлую, счастливую жизнь. Ты и твои сверстники хорошо ли готовитесь к этой великой жизненной задаче?

Тебе надо много знать, а для этого надо много, усердно учиться, много читать, многим интересоваться, чтобы не оказаться потом невеждой. Уже теперь ты должен считать делом своей чести всё уметь сделать самому.

Помни: на тебя и на твое поколение с доверием и надеждой смотрит вся страна, смотрит партия большевиков. Сам товарищ Сталин среди своих многочисленных дел и забот находит время следить за тем, как ты растешь, как учишься, как готовишься к своим почетным обязанностям гражданина великого победоносного Советского Союза.

Вера Кетлинская

Знаешь ли ты, что...

... Территория в 350 000 квадратных километров, которую освободила наша Красная Армия за четыре месяца летнего наступления, превышает территорию семи европейских стран: Албании (28 000 кв. км), Бельгии (30 000 кв. км), Дании (43 000 кв. км), Ирландии (69 000 кв. км), Нидерландов (34 000 кв. км), Португалии (92 000 кв. км) и Швейцарии (41 000 кв. км), общая площадь которых равна 337 000 кв. км.

... Эта освобожденная Красной Армией территория почти в три раза больше территории Греции, или Венгрии, или Исландии; на 100 000 кв. км превышает территорию Великобритании, на 40 000 кв. км — Италии и на 27 000 кв. км — Норвегии.

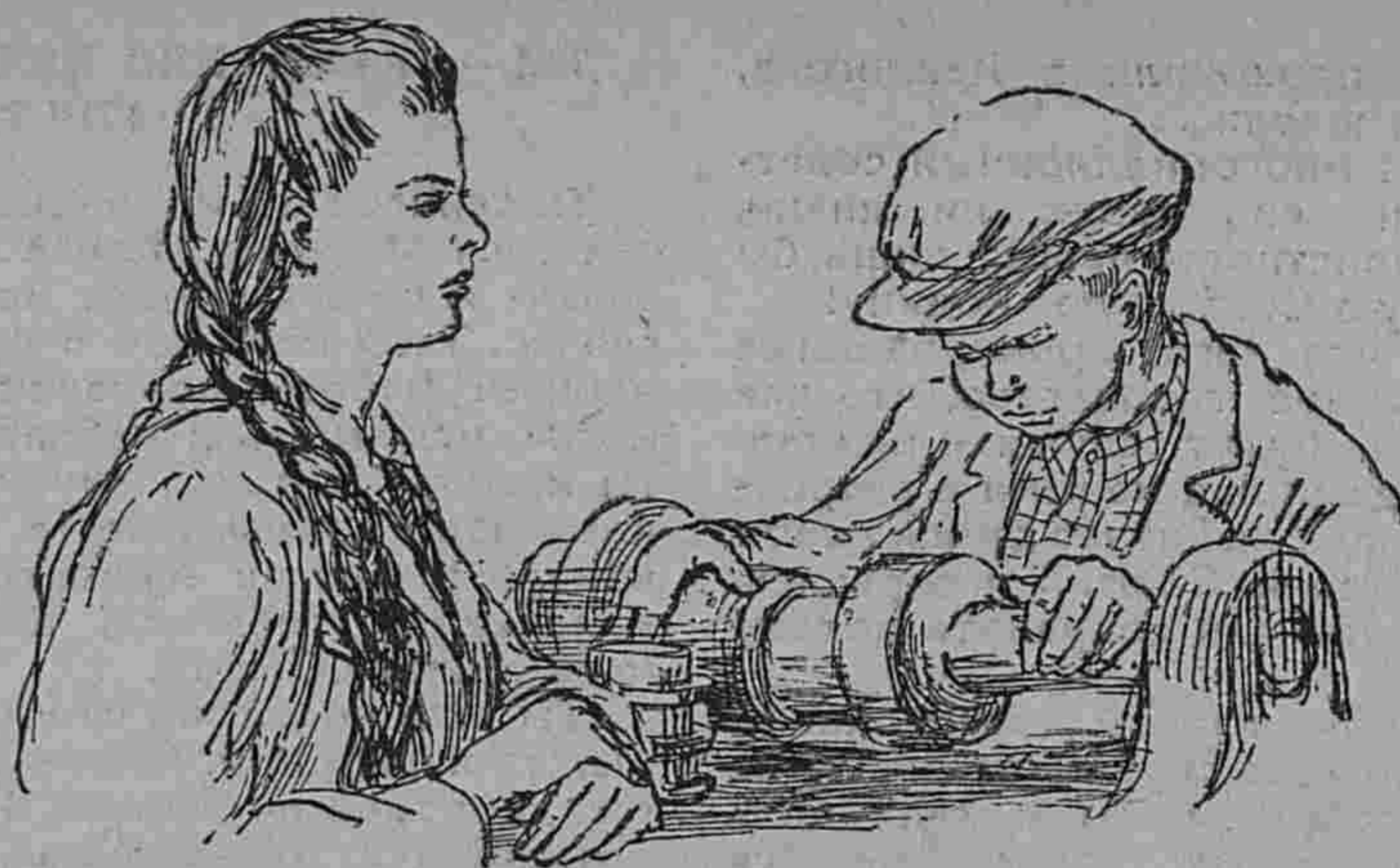
... На территории в 1 100 000 кв. км советской земли, освобожденной от немецких захватчиков в течение года, протекшего между 25 и 26-й годовщинами Великой Октябрьской социалистической революции, могут уместиться: Албания, Бельгия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Португалия, Швейцария, Греция, Италия, Исландия и Венгрия — одиннадцать европейских стран.

... Чтобы пересчитать 2 700 000 человек, которых немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными

во время четырех месяцев нашего летнего наступления, пришлось бы затратить почти 19 суток. Если принять, что в минуту человек может насчитать 100 единиц, то за час он насчитает — 6000; за неделю — 144 000. Это при условии, что счет будет вестись непрерывно, без передышки.

... Для подсчета 4 000 000 человек, которых немцы потеряли за год войны (между 25 и 26-й годовщинами Октября), понадобится, следовательно, почти целый месяц.

... За четыре месяца летнего наступления Красная Армия среди множества разных трофеев захватила одного кабеля более 50 000 км. Кабелем такой длины можно обернуть по экватору весь земной шар, и еще останется солидный остаток в 10 000 км.

Юрка-пенёк

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

Секретарь комсомола Вера Голубова, девушка с круглым веснушчатым лицом, заперла комнату на ключ и отправилась в цех. Она пересекла пустынный, непривычно тихий заводский двор, обогнула разрушенную бомбой кузницу и вошла в механический цех. Там, в углу за станком, на необстреливаемой стороне, работала бригада подростков. Они изготовляли детали для минометов, — работа мелкая и точная. Их лица, склонившиеся над станками, были внимательны и напряжены.

Юра Трофимов, по прозвищу „Пенёк“, работал у самой стенки с краю. Он был низенький, широкоплечий, кряжистый — настоящий пенёк. На широком, скуластом его лице смешно светлели белобрысы брови.

Вера остановилась около станка и потрогала блестящие, точно бы еще теплые детали. Аккуратно сложенная пирамидка рассыпалась от ее прикосновения, и несколько деталей упали на пол. Она быстро подняла их и, сдунув пыль, положила на место. Но Юрка, покраснев от досады, нарочно не глядел в ее сторону. Обтерев руки носовым платком, Вера сказала:

— Мы решили всех подростков, которые живут без семьи, поселить в общежитии. И тебя тоже. Я не понимаю: почему ты отказываешься?

Юрка покраснел еще больше и ничего не ответил. Он низко нагнулся над станком, и теперь Вера видела только его лоб, на нем резко выступали светлые, сведенные у переносья брови. Он быстро переменил деталь, и резец заскрежетал по металлу громко и пронзительно.

— Что ты молчишь? — рассердилась Вера. — Это решение комитета комсомола! По-

нял? Ну и подчиняйся! Чтобы завтра же ты переехал! — строго прибавила она.

Она повернулась и пошла. Почему-то ей показалось, что Юрка-пенёк смотрит ей вслед и усмехается. Она сделала несколько шагов и оглянулась. Юрка стоял, повернувшись к ней спиной, и искал что-то на полу около своего станка.

В общежитие он не переехал ни завтра, ни через два дня. Вера вызвала его в комитет, и он пришел после работы вместе с двумя приятелями — Мишкой Зайцевым и Грицком Романенко. Мать Мишки ушла в Народное ополчение и не вернулась, а отец был убит во время прорыва блокады. Мишку недавно перевели из механического цеха во двор, на черную работу, — в выходной день он отправился зайцем на Ладожское озеро, был задержан, ночевал в комендатуре и вышел на работу с опозданием на пять часов. Грицко тоже был на замечании, — недавно его отпустили к врачу рвать зуб, а он вместо этого отправился на Неву удить рыбу.

Они пришли в комитет все трое и уселись на деревянном диванчике около стены. Мальчики насмешливо поглядывали на Веру, не признавая, видимо, авторитета этой девчонки с рыжей косой. И Вера, не зная, как начать разговор, начала вытаскивать из стола какие-то ненужные ей сейчас папки и тетради.

— Долго нам ждать? — грубовато спросил Мишка. — Зачем вызывала?

— Я тебя не вызывала, — ответила Вера. — И Романенко тоже. Вы можете идти, мне Трофимов нужен.

Вера задвинула ящик стола и сказала:

— Почему это мальчишки такие грубые? Я хотела по-хорошему поговорить... Мне обидно, что Трофимов не едет в общежитие.

В общежитии теперь хорошо, чисто, и руководитель прикреплен постоянный, физкультурник.

— Он ехать туда не может, — твердо заявил Мишка. — Я вот поехал, и Грицко, и другие, а Юрка не поедет.

И он независимо посмотрел на Веру.

— Почему он не поедет? — сердито спросила Вера.

— Обстоятельства!

Вера покраснела и защелкала ключом в ящичке стола.

— Может быть ты мне скажешь, — кротко обратилась она к Трофимову, — что это у тебя за обстоятельства?

Вера посмотрела на него почти умоляюще. Но он, нахмурясь, ответил:

— Не хочу — и все!

Он внимательно оглядел свои ноги, обутые в серые тапочки, — неразговорчивый, кряжистый, упрямый, настойчивый пенёк!

Вот так же и у станка: стоит молча весь день, а работает лучше других. „Украшение цеха“, „настоящий мастеровой“, — говорит о нем начальник. Хорошенькое украшение — упрямство, дисциплинированность!

— Очень приятно было бы твоему отцу, фронтовику, узнать о том, что ты отказываешься повиноваться приказу! — сухо сказала Вера. — Приказ старших в военное время — закон.

— Старших? — насмешливо переспросил Мишка. — Много ли ты нас старше?

Он поднялся с дивана и сказал:

— Пошли, ребята! До свиданья, товарищ секретарь!

Пенёк и Романенко поднялись и направились вслед за ним к двери. Пропустив их вперед, Мишка обернулся и, подмигнув Вере, прошептал таинственно:

— А обстоятельства всё-таки есть! Но какие — это секрет военного времени!

Вечером Вера пришла в кабинет секретаря парткома. Он сидел один и писал письмо жене, эвакуировавшейся с тремя ребятами в тыл. Фотографии лежали перед секретарем под большим стеклом, покрывающим стол. Он сам снимал их еще перед войной на балконе дома. Теперь балкона этого не было, — его снесло снарядом. И ребята, наверно, выросли. Старшая уже

вступила в комсомол и работает на заводе. Тогда, когда он их снимал, она плакала, потому что братишка изорвал у нее новый учебник географии.

— Тимофей Петрович, — сказала Вера, — снимите меня с секретарей.

Она села на стул и распустила губы. „Сейчас заревет, как Варька тогда из-за географии“, — подумал секретарь и, приподняв очки, отложил в сторону письмо.

— Меня не слушают, — продолжала Вера. — Пенёк не идет в общежитие, а Мишка Зайцев насмешничает. Я не могу быть секретарем, когда на заводе столько мальчишек.

— Не можешь? — с сомнением переспросил секретарь. — Ты на себя не клевети. С мальчишками, конечно, трудно управиться.

Но трудности надо преодолевать. Вот, когда мне было пятнадцать лет, я тоже жил в общежитии, верней в детдоме, так мы за первую же ночь половину труб водопроводных срезали, — думали, что они из олова, и потащили на толкучку продавать. С нами, верно,

трудно было справиться, да ничего — справились!

Вера недоверчиво посмотрела на секретаря. В волосах седина, на гимнастерке „Знак Почета“, голос спокойный, плавный. Неужели он таким был, как рассказывает! Она выпустила из пальцев косу и, сложив руки на коленях, сказала:

— Я не могу справиться. И не могу придумать, как быть.

— Завтра придумаем, — сказал секретарь. — Иди, спать ложись. Завтра воскресенье — свободный день. Вот мы с тобой вместе и придумаем.

На другой день с утра они отправились вместе к Юрке-пенёку на квартиру. В конторе домохозяйства их встретил управхоз — худенькая маленькая женщина.

— Трофимовых я давно знаю, — сказала она. — Они здесь много лет живут. Очень хорошая, дружная была семья. Мать у них умерла. Такая славная была женщина! Вот и малограмотная, а каких прекрасных, трудолюбивых детей воспитала!

— Ну, а „Пенёк“, то есть Юра, — смутилась Вера. — Как он теперь, без семьи? Не распустился?

Управхоз посмотрела на нее с удивлением

— Без семьи? — переспросила она. — Без старших, вы, наверное, хотели сказать? Конечно, не распустился. Образцовый, дисциплинированный жилец. Как он нам помог, когда мы в прошлом году водопровод восстанавливали! Да он сейчас дома, — поднимемся к нему. Сами увидите, как он живет.

В третьем этаже они остановились около двери, на которой висел новенький ящик для писем. На ящике была приклеена бумажка с надписью: „Для почты Трофимовым“.

— Это он недавно повесил, — объяснила управхоз. — Отец им часто пишет.

Она позвонила, и дверь открылась. Коротко остриженная девочка лет девяти, с светлыми бровками на загорелом лице, испытующе посмотрела на Веру и Тимофея Петровича.

— Здравствуй, Таня, — сказала управхоз. — Вот товарищи с Юриного завода пришли посмотреть, как вы живете.

Девочка провела всех в большую светлую комнату. В комнате были открыты окна, солнце блестело на неубранной со стола чайной посуде, на трех аккуратно застланных кроватях и на рыжеватых волосах маленького мальчугана, который возил по полу большой деревянный грузовик.

— У нас еще не убрано, — смущенно прошептала девочка. — Я не успела.

Гости сели. Девочка с тревогой глядела на Тимофея Петровича. Мальчуган оставил грузовик и тоже подошел к гостям. Он был толстенький, с круглыми серыми глазами, в синих трусиках и красной майке.

— Вова у нас в круглосуточном очаге, — объяснила управхоз. — А Таня уже перешла в третий класс. Она отличница и хорошая хозяйка, — вон как чисто пол вымыла.

— Это не я, — смутилась девочка. — Это Миша сегодня утром мыл.

— Так, так! — добродушно сказал Тимофей Петрович. — Молодец, значит, Миша! А как его фамилия? Не Зайцев ли?

— Зайцев! — радостно ответила девочка. — Мишка Зайчонок! Это друг Юры, и Гриша тоже друг, Гриша умеет рыбу ловить, — у нас сегодня уха будет.

В это время раздался звонок, и девочка бросилась к двери. Дверь хлопнула, и в комнату влетел Мишка Зайцев с буханкой хлеба под мышкой.

— Достал! — закричал он еще с порога. — Товарищ брата приехал и... — тут он увидел Веру и Тимофея Петровича и, запнувшись, уронил буханку на пол.

— Разве можно хлеб на пол бросать? — посмеиваясь, сказал Тимофей Петрович и поднял буханку. — А где у тебя брат?

— На Ладожском, в армии, — растерянно ответил Мишка. — Я к нему в прошлое воскресенье за хлебом поехал, да в милицию угодил. Это им хлеб, — кивнул на Таню. — Она карточки посеяла, растереха!

Он оправился от смущения и лукаво подмигнул Вере:

— Выпытала всё-таки военную тайну, секретарь! — сказал он. — Ничего не скажешь! Но в общежитие он всё равно не пойдет!

— Ах, так вы насчет общежития? — спросила управхоз. — Юре нельзя переезжать, у него семья. В прошлом году РОНО хотело младших ребят в детдом забрать, да Юра взялся их сам воспитывать. Сначала педагоги ему не доверяли, ходили разные комиссии. Но он с честью поддерживает свою маленькую семью. Товарищи у него такие славные, помогают. А Юра-то где? — вспомнила она.

— Дома, на кухне, — ответила девочка. — Позвать его?

— Нет, — сказала Вера. — Проведи лучше меня к нему.

Они прошли темный коридорчик и открыли дверь в кухню. Там около корыта стоял Юра и, упрямо сдвинув белесые брови, ожесточенно шаркал щеткой по утонувшему в мыльной пене белью. Увидев Веру, он вспыхнул и, как тогда у станка, ниже нагнул голову, продолжая тереть бельё.

— Юра! — виновато сказала Вера. — Почему ж ты стеснялся сказать? Мы бы ведь не стали силком.

Юра молчал и всё шаркал щеткой, уже не по белью, а по дну корыта. Вера засучила рукава и, подойдя ближе, сказала строго:

— А стирать ты совсем не умеешь. Давай я помогу!

Между синими морями-океанами, между горами высокими, между лесами дремучими, на широких просторах, под солнцем жарким родился младенец, дивное, чудо-чудное: во лбу его звезда горит пятиконечная, в плечах его косая сажень пролегла, в руках его — сила богатырская.

Сто народов младенца кормят, поят, выхаживают, сто острых мечей булатных ему выковывают, сто коней резвых степных, ветру подобных, — кубанских, дагестанских, орловских, донских, калмыцких — ему седлают.

И было богатырёнку один день от роду, как вскочил он на резва коня и обрушился на войско немецкое под Псковом-городом и под Нарвою... Затрещали головы немецкие, раскололись на-двое каски железные с орлами прусскими... Вихрем пронесся богатыренок по всей земле Украинской, стал крушить полки Вильгельмовы окаянные, стал гнать рать германскую-басурманскую прочь с родных полей... Полегло захватчиков на земле нашей видимо-невидимо.

Четырнадцать держав заморских на нашу землю позарились, повели войска свои на смертный бой, а с ними генералы, адмиралы царские с полками белыми, что хотели повернуть землю на старый лад, под когти орла двуглавого...

Вышел богатырь противу войска заморского, против генералов белых, против всей силы вражеской на Востоке, Севере, Юге и Западе. Долго длилась битва жаркая. Очистил богатырь землю от вражьей нечисти, и расцвела земля пышным цветом.

Но пришла пора трудная: пошел богатырю двадцать четвертый год, и напало на нашу землю Гитлерище-Идолище поганое.

Ползет Идолище, тяжело дышит, пламя изо рта и ушей пышет, металлом грохочет, — всю нашу землю слопать хочет.

Но не сдался богатырь силе вражеской, ударил мечом огненным в сердце Идолища поганого. В стальной броне черное сердце билось, — от удара только вмятина на броне сделалась. Покачнулось Гитлерище-Идолище поганое, заревело пуще прежнего. Обливаясь кровью черною, поползло Идолище дальше вглубь земли богатырской.

Собрал богатырь всю силу свою молодецкую со всех концов земли богатырской, да

как трахнет Гитлерище под стенами Кремлевскими — затрещало, завывало, застонало, заскрежетало Идолище поганое, стальными зубами залязгало и назад отползло...

Кончилась зима лютая. Пригрело солнце землю русскую. Отдышалось Гитлерище поганое, зализало свои раны тяжкие, согнало свои орды в одну орду громадную и двинуло через степи русские, через тихий Дон к Волге-матушке да к горам Кавказским...

Стоит на холме Гитлерище поганое, стальным хвостом от мух отмахивается, по стальному брюху себя хлопает, черные зубы скалит, похваляется:

— Подайте мне, — говорит, — пшеницу кубанскую да нефть сураханскую, да апельсины с мандаринами, да весь Кавказ с горами, с долинами! Стальной пятой по земле топаю! Все сожру! Все слопая!!!

Ан не тут-то было.

Поднялся богатырь силой несметною да как ударит Гитлерище поганое под Сталинградом-городом да в долине Моздокской, — ахнуло Идолище, треснуло по всем бронированным швам и вспять на Запад попятилось...

Идет богатырь, под ним земля дрожит, перед ним враг на Запад бежит, огнем огрызается — от лютой смерти спасается...

Воет Идолище поганое, настегивает своих гадов ползучих, остановиться хочет, повернуть счастье на свою сторону, но бьет его сила богатырская лютая, крошит черепа с касками зелеными,

Очищает богатырь свои просторы, кровью политые, слезою женской умытые.

Сто народов богатыря обнимают. Сто народов ему дары посылают: шлет Урал высокий сталь грозную, горячую, чтоб разить на смерть Гитлерище поганое, шлет Сибирь полки могучие, шлет Узбекистан солнце жаркое, что сладким соком виноградным и золотым вином обернулося, шлет Киргизия конницу, что степным ветром по полю стелется, шлет Кавказ пламя горячее да коней неистовых карабахских... Конца краю нет дарам земли богатырской...

Идет богатырь по родной земле, бьет вражьей полчища и день и ночь. А за ним следом идет по всей земле, за все моря-океаны великая грозная слава.

На далекой фактории

Владимир Беллев

Рис. А. Медельского

Осенью 1943 года я приехал на один из наших полярных островов. Здесь я узнал, что на фактории живет знаменитый Иван Вылка, один из немногих оставшихся в живых участников экспедиции Русанова в 1909—1910 годах. Тот самый Иван Вылка, кому наша Родина во многом обязана освоением Новой Земли. Накануне в одной из книг, посвященных завоеваниям Арктики, я прочел о нем:

„В продолжение трех лет наносил он на карту восточные берега острова, много перенес лишений, голодал, рисковал жизнью, терял в неистовых бурях собак, на которых продвигался, но все же упорно шел на север и обогатил многими новыми данными карту Новой Земли. Его не раз брали с собой исследователи, которым он, наделенный удивительным чутьем в предсказании погоды и передвижении льдов, столько помог, являясь нередко фактическим руководителем экспедиции“.

Я застал Ивана Вылку в его канцелярии. Он готовил отчет Островного Совета, чтобы послать его с ближайшим пароходом в Архангельск. Небольшого роста, смуглый, с лицом монгольского типа и редкими свисающими вниз усами, он казался гораздо моложе своих лет. Теперь этот живой, подвижной человек, который лично знал Русанова и Георгия Седова, у себя на острове воевал с фашистами. Вот как началась эта борьба.

Первый немецкий самолет, который увидел Иван Вылка в эту войну, пролетел очень низко, над крышами фактории. Ненцы и русские фактористы, выбежавшие на гул моторов,

различали ясно фашистских пилотов. Оглушенные гулом моторов, собаки с воем, поджав хвосты, разбежались по поселку. Самолет обстрелял бухту, стоящие на якоре моторные боты, развернулся и ушел за горы.

Фактористы поняли: немцы интересуются Арктикой. Значит надо готовить фашистам отпор.

Иван Вылка и Майзеров — секретарь Островного Совета — установили круглосуточные дежурства фактористов, почистили оружие. Радист Василий Шуин поставил посреди поселка на треноге крупнокалиберный пулемет.

Вылка никогда не обучался искусству фортификации. Чутье охотника подсказало ему, где и как возвести укрепления. В мелком черном аспиде вырыли круглые котлованы и обложили их бочками и мешками с землей.

У самой воды Вылка вместе с фактористами выстроил настоящий блокгауз с узкими бойницами, глядящими в море, и хорошим земляным накатом. Чтобы уберечь от немецких пуль женщин и детей, в глубине становища вырыли траншеи. Пока фактористы строили по планам Вылки укрепления и убежища, старый ненец занялся своим старинным норвежским ружьем системы „Ремингтон“. Оно сопровождало Вылку всю его жизнь. Он брал его в экспедицию на „Дмитрии Солунском“, удивляя Русанова своим искусством бить из этого ружья в лёт одной пулей жирных гусей. Он попадал из „Ремингтона“ прямо в глаз мохнатым серо-белым полярным совам, легко скользящим в полумраке сентябрьских вечеров над

скалистыми оврагами тундры. Много моржей, нерп, морских зайцев и белых медведей снял Иван Вылка из этого ружья. Теперь же пришлось ему готовить норвежский „Ремингтон“ на самого страшного и хищного зверя — на фашистов.

Для этого-то поганого зверя Иван Вылка изготовил особые пули: заряд — как на самого большого медведя, но на кончике острой пули сталь специальной закалки. Вылка засыпал гильзы дымным порохом, забил их бронебойными пулями своего домашнего приготовления. Вычищенный широкоствольный „Ремингтон“ Вылка повесил на стену.

Немец не заставил себя долго ждать. Он прилетел рано утром, рассчитывая врасплох застать фактористов и безнаказанно обстрелять и поджечь их мирные дома. Но едва только шум его моторов донесся из-за соседнего мыса, дежурный наблюдатель заколотил палкой по пустой железной бочке. Павел Майзеров взлез с винтовкой на крышу школы и присел за трубой.

„Юнкерс“ — черный, огромный — шел так низко, что Майзеров видел царапины на его паучьей свастике. Радист Василий Шуин застрожил из пулемета. Майзеров, прижав к щеке приклад винтовки, целился в кабину стрелка-радиста, а Иван Вылка, подняв навстречу ревущим моторам свой старинный „Ремингтон“, ударил из него прямо в лоб самолета острой конечной стальной пулей. Ствол „Ремингтона“ заволокло густым черным дымом. Выстрел прогремел громкий, дымный.

Очень не понравилось фашистам угощение, какое приготовил для них Вылка. Массивное круглоствольное ружье в руках охотника, должно быть, показалось немцам с воздуха крупнокалиберным пулеметом. Пилот нажал педали, и целая очередь разрывных пуль взрыла землю у самых ног Вылки, засыпая его лицо камнями и пылью. Он упал. Но не успел „Юнкерс“ развернуться и лечь на обратный курс, как Вылка вскочил, пощупал руками лицо и, перезарядив, снова поднял ружье к чистому утреннему небу. Встающее солнце било сейчас в глаза, но Вылка снова выстрелил в самолет. Шуин ударил в него из пулемета. Одиночные винтовочные выстрелы сливались с гулом ревущих моторов. Вдруг все жители фактории увидели, что самолет медленно кренится на левое крыло. Из его левого мотора вырвался клубок пламени, завился нежной ленточкой, исчез и, появляясь снова, развернулся в длинный шлейф густого черного дыма. Пилот сразу круго взмыл машину, он хотел согнать с себя пламя. Все видели, что немец, бросая самолет навстречу ветру, пытается сбить огонь, но дым не исчезал. Поврежденный и побежденный жителями маленькой фактории, немец полетел подыхать в открытое море.

Шуке дремать — добычи не поймать!

На войне всегда приходится быть настороже начеку. Одолеет врага тот, кто не только смел и силен, но решителен и находчив.

Вот какой случай произошел в 1836 году во время боевых действий на Кавказе.

Один неприятельский всадник то и дело появлялся впереди своего отряда и меткими выстрелами сбивал то одного русского казака, то другого.

Казаки, стоявшие в цепи, негодовали:

— Чего он гарцует? Проучим его, братцы!

И верно, надо было угомонить этого дерзкого всадника. Офицер спросил своих казаков: не хочет ли кто померяться силою с неприятелем?

Нашелся казак, который не замедлил откликнуться. Товарищи звали его Егорычем. Казалось, он не был ни слишком сильным, ни чрезмерно храбрым или ловким. Только в небольших глазах его вспыхивал иногда задорный огонек отваги.

Он сразу вскочил в седло и поскакал навстречу противнику. Неприятельский всадник остановился, спокойно зарядил ружье и стал выжидать, чтобы казак приблизился на расстояние выстрела.

Ждать пришлось недолго, — казак мчался ему навстречу во весь опор. Раздался выстрел, и казак повис в седле.

Его туловище свесилось с седла, его голова и руки безжизненно болтались, а лошадь — ее, видимо, испугал звук выстрела — несла своего хозяина прямо на врага,

— Пропал, пропал Егорыч! — волновались казаки. Им было жаль своего незадачливого товарища.

И офицер пожалел, что так опрометчиво послал Егорыча. Ведь еще минута, — и неприятельский всадник бросится к бесчувственному телу казака, чтобы завладеть конем и оружием сраженного противника...

Но вот кони поравнялись, и безжизненное тело казака встрепенулось: он вскочил в седло. Мало того, — теперь он схватил врага за бороду. А в следующий миг казак сильным ударом свалил неприятеля на землю.

Всё это было так удивительно, так неожиданно! Казаки быстро очутились подле борющихся на земле.

Офицер было подумал, что Егорыч ранен. Но нет, казак был цел и невредим, неприятельская пуля не задела его. Он только притворился убитым, чтобы обмануть своего противника. И сделал это так ловко, что сбил с толку даже своих. А неприятель, хоть был отважен и дерзок, не понял хитрости своего соперника и поэтому был побежден.

Вот про таких безрассудно храбрых, но неосмотрительных людей, как этот неприятельский всадник, говорят: „Шуке дремать — добычи не поймать!“

★

В 216-й школе Куйбышевского района учатся девочки. На уроках здесь всегда тихо. А если кто и начнет шептаться с соседкой по парте, то таких „шептуний“ останавливает не только преподаватель, но и весь класс. Ведь „шептуньи“ мешают заниматься не только себе, но и всем остальным.

Недавно в третьем классе проходили по естествознанию тему „полезные ископаемые“. Как же выглядит медный колчедан или железная руда, то, из чего делают на заводах и машины, и предметы домашнего обихода, и пушки, и снаряды? Многие совсем не знали. А теперь знают, потому что учительница показала на уроке образцы и медного колчедана и железной руды.

Очень многие девочки в этой школе после урока посещают кружок рукоделия. В этом кружке можно научиться штопать чулки, класть заплатки, вязать, шить и вышивать. Уметь всё это делать — совершенно необходимо в жизни. Как приятно послать на фронт своему папе или бойцу, у которого нет родных, например теплые носки, которые ты связала собственными руками. Или заштопать чулки не только себе, но и своей маме, которая очень занята на работе и приходит домой поздно вечером. А если вышить салфеточки на столики для раненых в подшефном госпитале? Это тоже достойно похвалы и подражания.

Для того чтобы в классах, в коридорах, в учительских было тепло зимой, тысячи ленинградских матерей, тысячи старших сестер и братьев заготавливали в лесу и в дождь и в стужу дрова. Железнодорожники везли их в Ленинград, трамвайщики разво-

В школе у девочек

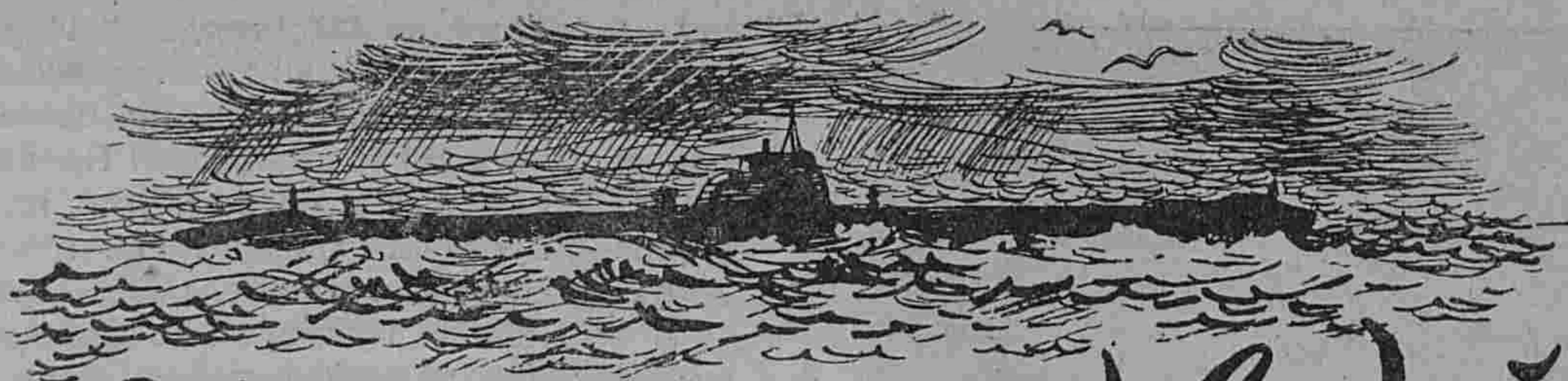
зили в разные концы города, в школы. А теперь сами школьницы — старшеклассницы — пилят их и колют, помогая своим трудом добывать тепло для школы. Поработать на свежем воздухе часок-другой полезно: окрепнут мускулы, отдохнет, как говорят, и голова. А спится после такой работы отлично.

В 47-й школе Приморского района, где учатся тоже только девочки, есть отряд тимуровок. Маленькие тимуровки помогли многим своим учителям привезти со склада дрова на квартиру, распилили и раскололи их. Всем сообща сделать это было нетрудно, а для одинокой пожилой учительницы — огромная помощь, ведь она может дома проверять тетради своих учениц в тепло натолпленной комнате. Забота о своем учителе — это святое, благородное дело, долг каждого школьника и школьницы Ленинграда.

Как и мальчики, девочки старшеклассницы проходят в школе военную подготовку. В изучении винтовки, в стрельбе из нее они стараются не отстать от мальчиков. Сколько тысяч девушек сражаются сейчас на фронте! Имя севастопольской героини-снайпера Людмилы Павличенко известно во всем мире.

В четвертом классе 216-й школы есть свой кружок самодеятельности. Здесь девочки разучивают песни, декламируют стихи, а некоторые играют и на рояли. Со своими концертами четвертоклассницы выступают и в подшефном госпитале и на школьных праздниках. Мы желаем от всей души маленьким артисткам успехов и в искусстве и в школьных занятиях. Одно другому никак не должно мешать.

2000 миль под водой

А. Зонин

Рис. Н. Петровой

(Продолжение) *

НА ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ. СМЕРТЬ СЕНИ.
МНЯ ПРИВОЗЯТ В ЛЕНИНГРАД.

Сколько дней и сколько ночей мы уходили на восток? Мы останавливались, чтобы гранатами и бутылками с горючим взрывать и сжигать танки врага. На каждом рубеже из наспех вырытых окопчиков мы яростно бросались в контратаки на фашистские полки. Они теряли много, но все же их оставалось больше, чем нас. Новые танки приходили на смену искалеченным „быкам“. Самолеты низко шли над нами, преследуя нас в лесу, в поле и поселках.

Я был в роте пулеметчиком. Сеня Тихонький выполнял самые дерзкие задачи разведчика. Благодаря ему мы всегда имели „языка“ или документы немецких солдат и знали, какие части немцев дерутся на нашем участке. Я редко видел моего товарища. Зато я почти все время был со штурманом. Меня удивляло, как быстро он ориентировался в новой обстановке. Мы, „верповцы“, составлявшие ядро роты, бывшие его „стариками“, гордились, что командир — из нашего экипажа, и стремились, чтобы он также гордился нами!

Мы заняли позиции ночью. Фашисты, обеспокоенные артиллерийской подготовкой, освещали предполье ракетами. В медленно угасавшем свете ракет синело капустное поле, вырисовывались избы у речки и лес. Этот лес мы должны были пройти и выбить немцев из узла местных дорог.

Бой развернулся для нас хорошо. Прыгая через воронки снарядов, мы бежали прямо на минометную батарею. Мы уже привыкли к злым и резким разрывам мин, и нас они не смущали. Я в четвертый раз переменял позицию и стрелял с кладбища между двумя покосившимися крестами по группе серо-зеленых бандитов, бежавшей навстречу нашей цепи.

Но вскоре я должен был все же прекратить огонь. На немецких пехотинцев набежали матросы. Я увидел Тихонького, — он на голову был выше своих товарищей. Его большое тело легко поворачивалось то к одному, то к другому врагу, и они валялись, как деревья от ударов славного лесоруба. Но вдруг три немца одновременно схватились с ним. Он упал, и вблизи не было никого, чтобы помочь ему. „Семен, Семен! — хотелось крикнуть ему, — не поддавайся!“ А он уже вставал под дулами автоматов. Неужели пойдет в плен? Так

нет, лучше я его скошу вместе с немцами! Я стал наводить ствол моего пулемета, но рука моя застыла на рукоятке. Внезапно правая нога Тихонького высоко взлетела, и один немец кубарем полетел на землю. Семен схватился с другим, сорвал каску и ее ребром разбил трусливо ушедшую в плечи голову второго немца. Третий немец с колена целился в краснофлотца. Но каска опередила пулю и выбила автомат из рук солдата. Миг, и Семен, перекинув немца на спину, зашагал к своим.

Это молодецкое дело вызвало замешательство у немцев и подбодрило наших. Вся рота с командиром во главе бросилась к школе, где сидели немцы. Семен первым бросил гранату. Но из подвального этажа продолжал бить пулемет, и тогда опять я увидел, как Семен пополз к дому слева, в бурьяне. Я тащил свой пулемет, чтобы бить по проклятой бойнице с самого короткого расстояния, когда Тихонький выскочил перед домом и крикнул нам:

— Вперед, Балтика!

Это было ужасно и величественно, — он загородил своим телом подвальное окно! Вся пулеметная очередь досталась богатырскому телу храбреца, и немцы теперь не могли обороняться. Только что Семен избег позорного плена, только что он звал нас вперед, — и вот его нет!

У многих были слезы на глазах, когда его хоронили, и я тоже не стыдился плакать. А он лежал с ясным лицом, с открытой улыбкой, обнажив свои красивые зубы. Вечная память тебе, товарищ Тихонький!

Через неделю после геройской смерти Тихонького фронт под Ленинградом уже приходил в то положение, которое с малыми изменениями сохраняется два года. Для выполнения одной большой операции на соседнем участке мы должны были занять поселок на день, а ночью вернуться в исходное положение. Наш Савченко уже действовал как командир батальона, и действовал хорошо. Не могу сказать того же о себе, Я опоздал переменить рубеж при отходе и остался в одиночестве.

Когда я собрался переменить ленту, оказалось, что немцы обтекают справа, а своих уже совсем не слышно. Я подался влево и сначала не сомневался, что иду верно. Но через полчаса по звукам далекого боя я решил, что удаляюсь от своих, и повернул обратно. Было очень темно. По обе стороны тропы был мертвый, выгоревший лес, а под ногами шуршала хвоя, и тишина по-прежнему не нарушалась. Дважды почувился

* См. „Костер“ №№ 6 и 7.

глухой гул пальбы, я сворачивал на обманный звук и, наконец, решил дожидаться утра. Моя спина ныла от тяжести пулемета, коробка с патронами оттянула руки.

Со светом я взобрался на дерево, перемазал руки и грудь в пепле и саже. Красный диск солнца был с той стороны, куда я хотел идти, а надо было брать на север, чтобы выйти к своим.

Гарь неожиданно сменилась густой порослью молодых березок, потом ее рассекла брусничная падь, и снова поднялся вековой нерубленный лес заповедной дачи.

Солнце уже стало клониться к западу, а я все брел — то сухими высокими местами, то болотными кочками. И вдруг тишину леса, в которой я отчетливо слышал хруст ветки, и редкого пугливого лося, и взмах крыльев каждой птицы. Вдруг эту тишину разорвал автомобильный гудок.

Дорога!

Свои или чужие на ней?

Я присел в траву, колени у меня мелко дрожали, прислонился плечом к грубой коре и старался не дышать. Что-то нужно было делать. Я лег на живот и поставил пулемет перед собою. Проверил движение ленты, спуск курка и пополз, слегка поднявшись, чтобы выдвинуть еще и еще на полшага пулемет. Трудно сказать, сколько времени я двигался к дороге подобно змее, подтягивающей свои кольца. Может быть четверть часа, а может быть и весь час. Внезапно ствол пулемета оказался на гребне подъема. В двадцати метрах ниже отлогого ската, покрытого чахлой травой, проходила прямая, как стрела, дорога. Я втянул пулемет обратно и выставил голову. На этом шоссе я не был. Я это твердо знал. Значит, снова запутался, и здесь должны быть немцы.

Не нужно было долго гадать. Промчались две грузовые машины с солдатами. Воя сиреной, их обогнала открытая легковая машина с офицерами. Я втянулся в лес с той же поспешностью, с какой раньше втаскивал пулемет. Значит, верно, попался, Григорий.

Я уже отошел в глубь леса на сотню шагов, и тут краска залила мои щеки. Ведь со мной пулемет, товарищ — оружие. И разве не в такое положение попадают партизаны? И разве не призвал Сталин везде, всегда любыми средствами истреблять гитлеровских немцев? Я вернулся.

Приближались сумерки, когда на голубую дорогу вышли машины. Семнадцать машин! Подождал, пока передняя машина взойдет на мосток, чтобы ее не могли обгонять, и нацелился в мотор. Машина рванулась и задымилась. Следующая машина с полного хода ударилась в кузов. Солдаты не успевали соскакать. Ствол пулемета обходил весь ряд машин. Последнюю машину пули зажгли на повороте: она перевернулась, и языки зеленого огня выбросились на кузов.

Один, один выиграл бой! Я отбросил последнюю пустую ленту и закричал что-то, чего сам никогда потом вспомнить не мог. Немцы из кузовов машин и из канавы стреляли по всему участку. Их автоматы строчили ближе и ближе, и я инстинктивно стал уходить с пулеметом. Не возьмут немцы трофея, пока жив Нетреба! Не возьмут!

Пули впивались в стволы, жужжали над головой, их шмелиное ворчанье врвалось в уши. А я, согнувшись, бежал. Два раза оглядывался. У меня еще оставалась граната. Но немцы стреляли с дороги, будто отражали батальон.

— Не возьмете, не возьмете! — повторял я, чувствуя, что во рту пересохло и сердце сейчас выскочит.

— Не возьмете! — сказал еще раз, и тут меня больно ударило по голове, будто суком. Я зашатался и упал на пружинящие кочки.

Мне очень посчастливилось. Немцы не искали меня после стычки на дороге. Я очнулся ночью и долго лежал, прислушиваясь. Несмотря на голод и потерю крови, во мне было еще много сил. Я дождался рассвета и побрел сухим лесом. Тут я наткнулся на старуху, собиравшую ягоды, и без раздумья подошел к ней. Она проводила меня в лесной лагерь колхозников, убежавших из деревни. Они не собирались партизанить, но жизнь толкнула их на сопротивление грабителям, и теперь они искали настоящих партизан. Оправясь от раны, я пошел с тремя крестьянами в глубокий немецкий тыл. Пулемет оставил в лагере, обучив управлению им двух паренчиков и одну девушку. Ребятишки нивесть откуда натаскали боезапас, — и диски, и ленты. Я был спокоен, что оружие не зря ушло из роты. На четырех человек у нас было две гранаты „лимонки“, и мы пробирались чаще всего по ночам. Каждый день мы выслушивали такие рассказы, что хотелось резать немцев живьем. Видали мать, на глазах которой истерзали двух дочерей. Видали мать, у которой забрали мальчишку и обескровили, — всю кровь сразу забрали для нужд немецкого госпиталя. Видали крестьян, работавших на дорогах, и в поле, и на лесозаготовках, впряженных в телеги вместо лошадей. Гнев заполнял сердца. Ночью в одной деревне гранатой уложили немецкий караул, забрали ружья и вооружились. На всем пути до партизанского отряда продолжали нападать на немцев и на их старост. В партизанский отряд я пришел уже с одиннадцатью хорошо вооруженными людьми. Но снова был ранен в голову. Врач сказал, что надо вынимать осколок из кости. Тогда меня переправили за Волхов, а оттуда через Ладогу я был доставлен в Ленинград. Почему-то не удивился, когда снова попал на попечение Климовой. Я же давно решил, что вместе с Климовыми мне судьба быть в войне.

Однажды она мне сказала:

— А я к вам в гости Штыкова позвала. Он вам приятную новость сообщит.

— В самом деле? Неужели к ним на лодку? Правда, товарищ Климова?

— В наказание до завтра ничего не скажу.

Она была так безжалостна, что сразу после этих слов ушла.

**ФЕДЯ И Я ОТКОМАНДИРОВАНЫ НА ДРУГУЮ ЛОДКУ.
КАТАСТРОФА. ФЕДЯ СПАСАЕТ МЕНЯ И ОЛЬХОВЦА.**

Я совсем не знал Ленинграда. Но когда я вышел из госпиталя, я понял, что враг, бессильный ворваться на улицы города, стремится нанести ему возможно больше ударов. Там, где недавно в пятишестиэтажных домах-громадах жили сотни счастливых трудовых семей, я увидел осыпи кирпича и почерневшие остовы стен. Шагая в порт, я видел исхудавших людей, не перестававших трудиться в осажденном городе; поврежденные троллейбусы и трамваи, продолжали ходить под обстрелом.

Как мне хотелось скорее вернуться к боевой службе! И я вернулся к ней. Я получил назначение на лодку Климова. Федя Штыков, как я уже говорил раньше, тоже служил на этой же лодке.

Мы жили на лодке в доке. Ремонт нашей лодки затягивался.

Петр Афанасьевич Климов за десять лет сильно изменился. Я часто бывал у него и чувствовал, что он мне рад не меньше Маруси и маленькой Ирки. Дома он был очень простой.

Однажды вечером мы вместе возвращались на лодку. Воздух рвали пронесившиеся над нами снаряды, и под их противный тягучий свист мы пришли на лодку, а через полчаса Климов вызвал меня и Федю Штыкова к себе. Он сидел в своей крохотной каютке перед крохотным столиком и держал в руках бумагу.

— Вот что, — сказал он, — на одной лодке нашего дивизиона досадная потеря в людях. При обстреле пристани пострадали старшина торпедистов и штурманский электрик. От меня требуют, чтобы я обоих вас временно откомандировал. Лодка послезавтра уходит в море.

Так внезапно мы с Федей отправились в поход. Я ликовал. Придя на новую лодку, Федя уже не сходил на берег, потому что хотел сам проверить торпеды, тяги аппаратов и подачу воздуха к ним. У меня было дела гораздо меньше, я чувствовал себя более осведомленным. Иногда я помогал торпедистам и даже подменял кое-кого, чтобы товарищи могли отлучиться на несколько часов с корабля. Как это оказалось полезно для меня!

В пять дней мы прошли Финский залив и направились в открытое море. Я только два раза на несколько минут получал приказание подняться наверх. На Финском заливе все время цепко держался туман, и штурман тщетно искал приметные знаки и маяки. Непрерывно лил холодный дождь. Колючий ветер забирался под бушлат. Иногда появлялись тонкие ледяные поля; они еще были слабее волн, ломались и таяли.

Наше плавание проходило гладко. Мы пробыли с неделю на позиции. Но вскоре мы были вознаграждены за эту потерю времени двумя трофеями. Один транспорт с танками и боеприпасами мы утопили ночью в надводном положении. Вот как это произошло.

Мы как раз кончили зарядку наших батарей, истощенных суточным подводным плаванием, когда разнеслись звонки боевой тревоги. Я остался у глазка в центральный пост и слышал, как командир приказал замедлить ход и положить руль лево на борт. Потом он быстро сообщил помощнику несколько цифр для вычисления угла встречи торпеды с пароходом. Я не успел расслышать, что доложил помощник, как с кормы дошел толчок, — торпеда вышла. И я и мои товарищи напряженно вслушивались. Мы даже сдерживали дыхание, боясь пропустить секунду взрыва.

Но вот грохочущий продолжительный звук окружил лодку, и вода под килем хлестнула так,

что я едва удержался на ногах. Потом раздался новый взрыв.

При втором взрыве взорвался боезапас на транспорте, на море стало светло как в солнечный день, и немецкие танки полетели в воздух.

Мы еще ходили опьяненные радостью первой победы, когда в половине дня вахтенный командир, осматривая море в перископ, увидел вражеский караван. Теперь я совсем не волновался, я был убежден в успехе. И в самом деле, двумя последовательными залпами командир потопил налитый горючим танкер и транспорт с грузом. Я был все время у своих приборов, и мне было обидно, что я не видел, как уходят наши торпеды.

— Да обыкновенно как! — сказал мне Федя. — Видел, как учебные торпеды уходят?

— Видел!

— Ну, и здесь то же самое.

Я пытался вообразить себе Ольховца, пригнувшегося к пусковому рычагу, Митрюшенку, открывающего клапаны. Я сам мысленно делал последнее усилие, — брал рычаг на себя, и торпеда стремительно уходила, и начинал действовать ее умный, сложный механизм.

— Эх, мне бы один раз выстрелить! — сказал я.

— Лучше не надо, — покачал головой Федя. — Если штурманскому электрику придется работать за торпедиста, — это уж крайний случай!

Мы благополучно ушли из района, где нанесли врагу такой серьезной урон. А через две ночи пришло приказание возвратиться в базу.

Выполнить это приказание было сложно. Несколько дней нас прослушивали и бомбили немецкие катера. Звук дальних разрывов напоминал звук падения камешков в стеклянную бутылку. Это глухое дзинь-дзинь продолжалось часами с правильными интервалами. На такие разрывы обращал внимание только вахтенный командир, которому надо было отмечать время и число их в журнале. Что касается близких разрывов, то о них так спокойно говорить я не могу. Мало удовольствия, когда от удара летит стекло плафонов, вырубается свет и даже сдвигаются элементы батарей.

Мы легли на песок на глубине сорока метров, и я за много дней впервые мог сыграть с товарищем в домино.

Я пришел в кормовой отсек, и мы с Федей начали игру против Ольховца и Митрюшенки. Кроме нас, в отсеке был еще вахтенный рулевой Петров. Парни были ловкие в игре. Две партии мы сыграли в ничью. А я еще похвастался, что на Черном море был непобедим, и теперь товарищи подтрунивали надо мною. Ольховец ехидно утешал меня, что, поплавав в Балтике, я, пожалуй, и выучусь играть. Мы начали третью партию, и я заметил, что быстро осваиваюсь с Балтикой.

— Уж будто... — начал он и вдруг повалился на меня. Я почувствовал оглушительный удар. Стало темно. И опять удар. Весь корпус лодки закрипел, заходил, и под палубой плеснулась вода. Ольховца сбросило на пол.

— Ты что, Ольховец?

Он не ответил. Другие тоже молчали. Кроме плеска воды под палубой, не было слышно ни одного звука. При падении я ударился головой о крышку нижнего торпедного аппарата. Что с лодкой, что с Федей? Я сунул руку в карман. Мой фонарик „Пигмей“ был на месте. Я осветил палубу. Федя лежал под грудой коек. Он застонал, и я бросился снимать с него койки.

— Не надо больше, вылезу, — глухо сказал он. — Посвети, слева должен быть аварийный фонарь.

Фонарь был на месте, и я зажег его, Федя склонился над Ольховцом. При падении Ольховец ударился виском об угол ящика.

— У него кровь идет, перевяжи чем-нибудь, — спокойно сказал Федя. Он нагнулся над Митрюшенко. Но Митрюшенко был уже мертв. Федя направился к двери в дизельный отсек и вдруг упал. Из переговорной, из вентиляционной трубы, из глазка двери хлынули упругие струи воды.

— Там все затоплено, Григорий, давай перекрывать, живо! — Голос Феде был жесток и требователен,

Я оставил очнувшегося Ольховца и вытаскивал аварийные пробки и паклю. Мы работали молча в обжигающих, холодных струях. Потом к холоду в пальцах рук присоединилась тупая боль в застывших ногах. Я посмотрел вниз и показал Феде на ручейки, выбегавшие из люка трюма. Он тоже посмотрел и провел рукой по лбу с выражением глубокой боли.

— О Петрове я и забыл совсем, — сказал он так тихо, что я скорее догадался по его взгляду о том, что им сказано.

Вахтенного рулевого разможила запасная торпеда. Смерть его была так же легка и мгновенна, как смерть Митрюшенко. Оба были хорошие молодые парни, служившие по третьему году.

Впервые мне пришло в голову, что мы трое только и остались в живых на лодке. Но мои размышления прервал Ольховец. Он, шатаясь, прошел к нам и спросил Федею:

— Что нужно делать, товарищ мичман? Я чувствую себя лучше, я могу работать.

Штыков ответил не сразу. Он что-то соображал и был спокоен, как всегда.

— Я сейчас пробовал звонить по телефону. Никто не отвечает. Но возможно, что разрушения в дизельном прервали все виды связи с носовой частью. Во всяком случае наши товарищи могут помочь только себе. Мы же в крайнем случае можем выбраться через торпедный люк.

— А мы вчера зарядили все люки! Ни одного свободного! — воскликнул Ольховец.

— Вытащим торпеду, — предложил я.

— У нас сил нехватит, — покачал головой Федя, — отсек надо аккуратно очистить перед аппаратом. Тали завести. Где тут, в этом беспорядке!..

— Тогда выстрелим, — предложил Ольховец.

— Вот именно. Придется выстрелить.

Федя взял фонарь и пошел проверять магистраль со сжатым воздухом.

— Федя, — сказал я, — если магистраль пробита, можно взять сжатый воздух из баллонов.

Федя ответил не сразу. Его фонарь продолжал двигаться по отсеку. А снизу медленно просачивалась вода. Слышалась капель с подволока, тупая, мерная.

— В баллонах тоже нет воздуха, — наконец отозвался хрипло Федя.

Он вышел из полутьмы. Я увидел его лицо утомленное и постаревшее. Мы оба — я и Ольховец — с тревогой смотрели на него.

— В такой компании не приходится унывать, — сказал Федя, — найдем выход. Вода прибывает?

— Очень сильно, — ответил я. — Разве ты не чувствуешь высокого давления?

— Где у нас, товарищ Ольховец, инструмент и шланги? Подай сюда! — приказал Федя. — Мы возьмем воздух от запасной торпеды. Это и есть выход.

Когда Ольховец отошел, Федя присел возле меня и обнял меня. Мы сидели молча, пока Ольховец отыскал отвертки, нашел зубило, проверил шланги. Они оказались в порядке.

В одном из верхних непромокших ящиков были баранки-сушки. Мы немного подкрепились, залили водой из чайника и взялись за работу. Она не была сложной, но шла нелегко: торцовая пробка впускного клапана сидела в гнезде очень плотно. Наконец, пробка подалась. Вывернуть ее, открыть запирающий клапан и привернуть шланг было делом минуты. Второй конец шланга Ольховец уже прочно укрепил в колонке высокого давления левого борта.

Но мы не могли сохранить весь полученный воздух для баллона торпедной стрельбы. Часть его выходила зря по трубе разбитой магистрали. Манометр с нуля поднялся невысоко, давления было явно недостаточно, чтобы выбросить торпеду.

— Товарищи, не будем зря рисковать, — твердо сказал Федя. — Потерпим еще. Повторим еще раз операцию.

С каждой минутой дышать становилось труднее. Федя уже начал зевать и время от времени прислонялся к аппарату, собираясь с силами. Но он не бросал работы.

Тогда я потребовал, чтобы он пососал трубку кислородного индивидуального прибора. Он отказывался, но меня поддержал Ольховец.

— Нам без вас не выйти, товарищ мичман, значит вы должны быть в форме...

Федя сдался. Вскоре его движения стали более уверенными. Он уже проверил соединение тяг, открыл барабан и переднюю крышку аппарата. Как бились наши сердца! В этот миг я забыл, что наверху зима, холодные волны, неизвестность... Я почему-то представлял себе, что там над нами солнце, синее небо.

Федя повернулся к нам и сказал:

— Все в порядке! Вот ты и присутствуешь при торпедном залпе, Гриша, — усмехнулся он. — Ну, пли!

Он снова отвернулся и с усилием нажал вниз рукоятку. Торпеда с шумом вырвалась за борт.

— Половина дела, — опять сказал Федя. — Буюк, трос, спасательные приборы. Документы у всех при себе?

И вот настала последняя минута! Снова открыли крышку, снова стал отравливаться воздух, и мы чувствовали резкое изменение давления на наших барабанных перепонках. Потом в стоек хлынула вода. Она не пенилась, а шла блестящей, упругой струей как бесконечная гибкая стальная полоса. Вода поднималась все выше и выше.

— Пора, — сказал Штыков. — Первым идет старшина первой статьи Нетреба. Предлагаю вам, дойдя до конца торпедного аппарата, выпустить буй. — Он не выдержал натянутого официального тона и обычным тоном закончил: — Как выпустишь, сразу дергай трос — закрепим, второй раз дернешь — значит можно нам выходить. Держись у буй.

Мы поцеловались.

Я широкоплеч, и с спасательным прибором мне было тесно в узкой трубе. И буйка я не мог выпустить из рук, и ноги мои путались в тросе, который я тащил за собою.

Когда в севастопольском отряде мы решали аварийные задачи, я не раз пролезал через такую трубу. Я вспомнил, что на пути должны быть два кольца. От второго кольца совсем близко до выхода. Я и обрадовался и испугался. Там я попадаю в пучину. Надо мною будет сорок метров воды — целый десятиэтажный дом! Она раздавит меня, сплющит...

Но разве можно было колебаться? Два товарища наградили меня братским поцелуем, они верили в меня. Я уперся коленями в стенки трубы и выпустил буюк. Трос рванулся, потом я почувствовал, как он задрожал и спружинился. Буюк был наверху. Я дал сигналы и вылез на волнорез лодки, не выпуская троса. Несколько мгновений, — и тьма исчезла, толща воды стала синей, потом зеленой, потом совсем посветлела, и вдруг моя голова оказалась на поверхности моря. Было туманно, но все же я увидел очертания недалекого берега. Я даже слышал шум бурунов между прибрежными камнями. Это был маленький остров.

Штыков присоединился ко мне через несколько минут. Мы дождались Ольховца и поплыли к островку. Мы плыли с опаской. А если там немцы?

Но, к счастью, на островке никого не было. Через час туман разошелся, и мы увидели советский дозорный катер, ходивший на месте нашей катастрофы. Семнадцать наших товарищей тоже спаслись, это были те, кто находился в носовых отсеках. Их уже подобрал другой катер. Те, кто был в средних отсеках, погибли.

Конец первой части

РАССКАЗ РАЗВЕДЧИКА

— Ну, автомат на шею
(В заре еще лесок),
В немецкие траншеи
Мы делаем бросок.

Бежим с попутным ветром,
Измерив до врагов
Сто невеселых метров,
Сто огненных шагов.

Нам повезло. Не крикнул,
От страха сам не свой,
Нас прозевавший, гиблый
Немецкий часовой.

А мы, от пота мокрые,
Уже в траншеи скокнули,
В землянках развернулись,
И там ножи не гнулись!

На то мы и солдаты,
Пустили в ход гранаты,
Пустили автоматы
Чужие и свои.

И все смешалось в хрусте
Один бежит на бруствер,
Второй бандит в белье одном
Сидит, — и руки ходуном.

Ну, мы его, кряжого,
Паршивого, чужого,
С нашивкой на груди,
Погнали впереди.

И все — айда, ребята,
На шее автоматы,
На сердце легче легкого,
Бежит тропинка блеклая,
К своим пришли мы мокрые,
Но целые пока,
Достали „языка“!

Мы так пойдем не раз, не два,
Мы сложим немцев, как дрова,
На то мы и солдаты,
На шее автоматы...

Александр Прокофьев

Чей язык острее?

Что такое правило пятое в ваших школьных законах, вы, конечно, знаете. Там написано, что ученик обязан «являться в школу чистым, причесанным и опрятно одетым».

Очень простое правило, и его следует выполнять. Большинство так и поступает. Но некоторые мальчики все еще приходят в школу неряха-неряхой. Рубашка как следует не заправлена, ремень не подтянут, сапоги не чищены, кепка набекрень.

«Ну, это мелочи!» — так рассуждают многие из нерях.

Нет, не мелочи. Быть аккуратно одетым — это тоже вопрос дисциплины.

Вы все знаете и видите, как аккуратно одеваются наши офицеры, сержанты, старшины, рядовые бойцы. Этого от них требует военный устав. Ведь военная форма это не просто одежда, — это боевое снаряжение солдата или моряка.

В боевом снаряжении воина нет мелочей. Там все важно.

Недавно писатель Бек написал повесть о знаменитой дивизии панфиловцев, которая замечательно громила немцев на подступах к Москве в конце 1941 года.

В этой интересной повести писатель приводит рассказ командира одного из славных батальонов дивизии о том, как он приучил своих бойцов к аккуратности в одежде и в походном снаряжении.

Мы печатаем маленький отрывок из этой повести.

★ ★ ★

Не буду во всех подробностях рассказывать, как я обучал бойцов и тренировал их в преодолении трудностей. На это нам нехватало бы дня.

Опишу лишь один марш.

Минуло семь-восемь дней, как я принял батальон. Мы были уже обмундированы и вооружены; уже работали с винтовкой, окапывались, перебежали, ползали, маршировали.

Вечером мы получили приказ: выступить с рассветом в пятидесятикилометровый марш, достичь одного места в долине реки, заночевать там и к исходу следующего дня вновь проделать те же пятьдесят километров, вернуться на место.

Люди с вечера готовились к маршу, ночью отдыхали, а на зорьке, когда еще не выкатилось солнце, батальон выстроился. Вам, не побывавшему солдатом, наверное показалось бы, что перед вами грозная воинская часть. Ряды были хорошо выравнены. На винтовках поблескивали новенькие матовые штыки. Бойцы стояли в полном походном снаряжении: в скатках, с противогазами и саперным лопатками в зеленых нецветших чехлах, со стальными касками, притороченными к вещевым мешкам. На поясных ремнях, слегка оттягивая их, висели гранаты и подсумки с боевыми патронами, — по сто двадцать на бойца.

Слегка оттягивая... А у многих и не слегка. Мой глаз сразу отметил это. Я видел не туго свернутые, разбухшие скатки; вещевые мешки с неподтянутыми лямками; гранатные сумки, свисающие на живот. Лишь немногие выделялись настоящей солдатской подгонкой. Среди таких был и младший командир Курбатов.

Вызвав Курбатова из строя, я сказал бойцам:

— Вот младший командир, который подогнал снаряжение для марша, как положено солдату, на марше ему будет легче, чем другим. Посмотрите, как у него все прилажено, как подтянут у него ремень. Я не раз объяснял вам это, показывал. Но, наверное, мой язык недостаточно острее. Больше я говорить не буду, а предоставлю слово вашей скатке, вашей лопатке, вещевому мешку. Пусть они поговорят с вами... Думаете, — у них нет языка? Есть! И поострей, чем у меня! Боец Гаркуша, ко мне!

Подбежал всегда улыбающийся курносый Гаркуша. Гранатная сумка сползала у него наперед и болталась на ходу.

— К маршу готов?

— Готов, товарищ комбат.

— Становись рядом с Курбатовым. Боец Голубцов, ко мне!

У Голубцова скатка была так толста, что налезала на щеку. Вещевой мешок свисал со спины.

— К маршу готов?

— Готов, товарищ комбат.

— Становись рядом с Гаркушей.

Набрав таким образом человек десять, на которых все особенно обвисло, я поставил их в голове колонны.

— Батальон, смирно! Напра-во! За мной, шагом марш!

Мы двинулись.

Я пошел рядом с теми, кого вызвал, кося на них глазом. Минут десять—пятнадцать они шагали легко. Гранатная сумка все время чуть-чуть постукивала Гаркушу по ногам. Наконец, к сумке потянулась рука, чтобы сдвинуть.

— Не поправляй! — сказал я.

Голубцову захотелось оттолкнуть скатку: грубый шинельный ворс стал натирать шею.

— Не поправляй! сказал я.

Третьему саперная лопатка ударяла по заду,—и этому не дал поправить.

Еще через десять минут Гаркуша перегнулся назад и вытянул живот, чтобы сумка не болталась. Поймав мой взгляд, он через силу улыбнулся, Голубцов, вертя шеей, старался лицом оттолкнуть скатку. Ему стал досажать и вещевой мешок. Сунув руку под лямку, Голубцов хотел незаметно подтянуть мешок вверх. Я не дал. А Гаркуша уже не выпячивал живота,—он шел, скособочившись и замедляя шаг.

Я приказал:

— Гаркуша, шире шаг! От Курбатова не отставать!

Так мы прошли шесть километров. Я опять показал бойцам Курбатова, потом крикнул:

— Гаркуша, ко мне! Сумку не поправляй!

Он подбежал, согнувшись. В строю засмеялись.

— Ну, Гаркуша, докладывай. К маршу готов?

Он мрачно молчал.

— С гранатной сумкой говорил?

— Говорил...

— Ну, расскажи бойцам, что она тебе сказала.

Он молчал.

Я подозвал Голубцова, вспотевшего, с натертой докрасна шеей.

— Посмотрите, товарищи, теперь на этого... С тобой скатка побеседовала? Вещевой мешок беседовал? Расскажи, чему они тебя учили...

Так, одного за другим, я показал бойцам батальона всех, кого помучили вещи.

Потом сказал:

— Кому тяжело итти, когда толста скатка, когда гранатная сумка не на месте, вещевой мешок не на месте? Бойцу или командиру батальона? Бойцу! Я это вам не раз объяснял, но вы, наверное, думали: „Ладно, сделаем для него, чтобы не приставал“. И делали кое-как. А оказалось — не „для него“, а для себя. Некоторые вещи уже побеседовали с вами. У них язык оказался поострей, чем у меня.

После привала мне не пришлось никого вытаскивать из строя. Никто не захотел беседовать с вещами.

КАК определить ВРЕМЯ

полдень. Следует помнить, что в СССР мы живем по времени, установленному на час вперед. Значит, самая короткая тень будет у нас в 13 часов, а не в 12 часов.

Этот способ удобен, но по нему можно определить только полдень.

Любой час дня можно определить по своей собственной тени.

Как определить время без часов?

Существует много разных способов. Мы расскажем здесь о простейших, доступных каждому человеку.

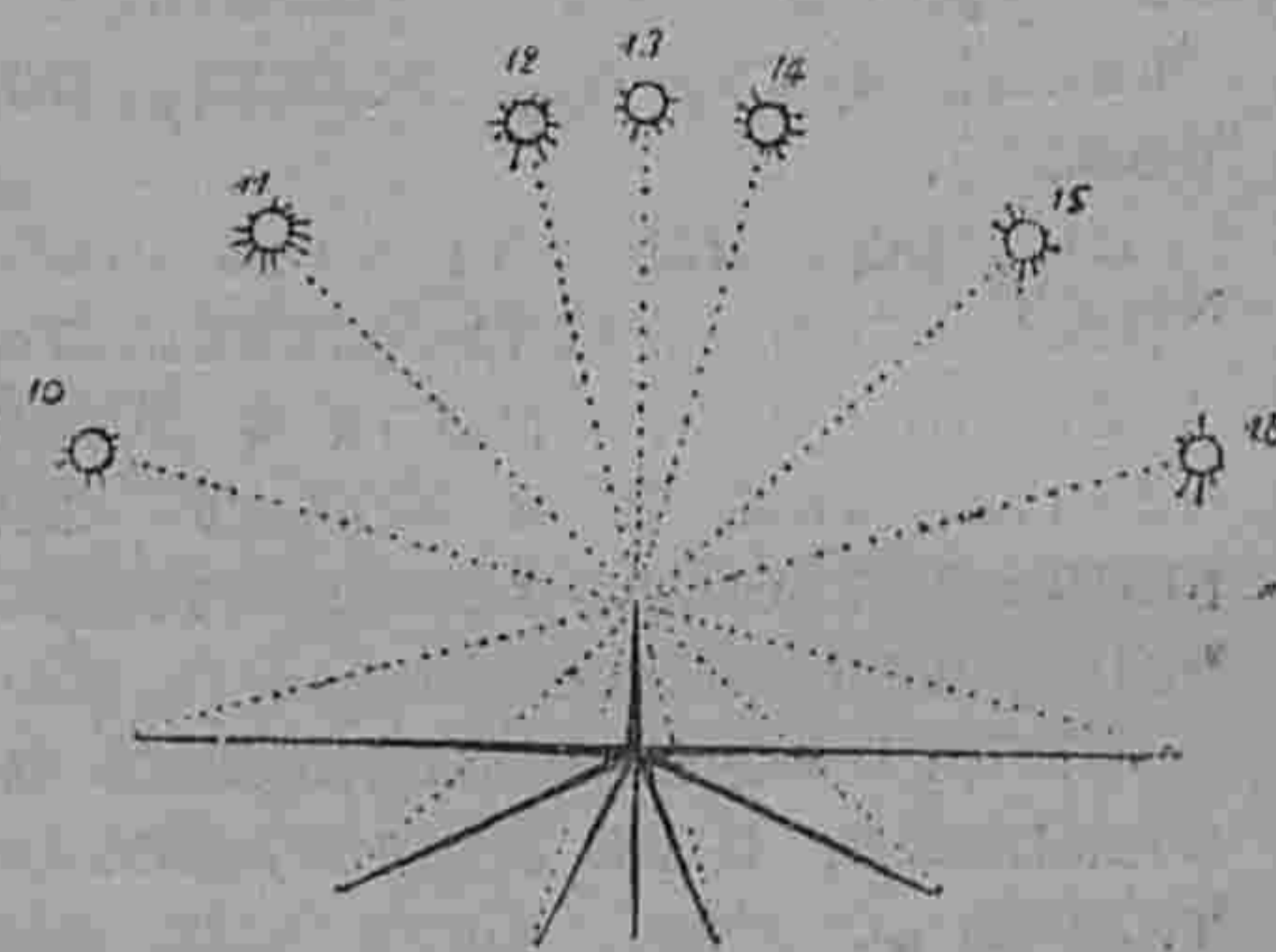
Вот один из них: по тени от колышка.

Солнце, совершая свой ежедневный путь по небосклону, отбрасывает тень от разных предметов. Длина тени не одинакова в разное время дня. Самая короткая тень — в полдень, когда Солнце находится прямо над головой.

Следовательно, определить полдень нетрудно. Установи на ровном месте вертикально тонкий колышек с хорошо заостренным концом, и, когда его тень станет самой короткой,—значит наступил

Для этого нужно знать и запомнить длину тени в разные часы. Определить длину тени можно и метром, и ступнями ног, и рукой. При этом длина тени будет одинаковой в 12 и 14 часов, в 11 и 15 часов, в 10 и в 16 часов и т. д. Измерять свою тень лучше на ровном месте, так, чтоб конец тени совместился с каким-нибудь предметом — камнем, столбом, деревом и др.

Нельзя забывать при этом, что в разные времена года Солнце находится над горизонтом на разной высоте. Поэтому длину тени следует перемеривать несколько раз в год, особенно весной и осенью. В период между 20 мая и 20 июля длина нашей тени почти

не изменяется, а с 20 ноября по 20 января изменяется очень незначительно.

Можно определить время по тому, где находится Солнце. У нас в Ленинграде, как установлено, Солнце находится

около	7 часов	— на востоке
„	10	„ — на юго-востоке
„	13	„ — на юге
„	16	„ — на юго-западе
„	17	„ — на западе.

Для этого, конечно, надо хорошо представлять себе, где в Ленинграде находится юг, восток и запад. Зная это, нетрудно определить и время.

Ис. Слоним

*

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Павел Лукницкий

Надо было встать и итти, но для этого требовалось большое усилие. Проще и легче было бы и дальше лежать так, под разлапою елкой. Только что кончился артиллерийский налет, весь лес вокруг был расщеплен тяжелыми советскими снарядами. Справа и слева еще доносились стоны и проклятия немцев. По лесу рыскали фашистские санитары. Наконец, все замолкло. Теперь надо было встать и итти, а голова кружилась от слабости.

Мурашев вынул из гимнастерки и развернул на мху карту. Пристально всмотрелся в красные кружочки, крестики, черточки. Этот, вот, кружочек — немецкий танковый батальон. Как только удалось ему позавчера пробраться между двумя танками? Надо ж было наскочить на самую позицию! Думал уже: попался! Нет, ничего, пролез под гусеницами, вылез, прирезал часового, сошло с рук!..

А вот этот кружок-крестик — зенитная! Спасибо нашим летчикам, что пролетали над головою в ту ночь. Если б зенитки по ним бить не стали, — не заметил бы их, пожалуй!..

Ну, а этот крестик можно, конечно, перечеркнуть.

И Мурашев, оторвав взгляд от карты, осмотрелся: да, весь лес переломан, и дым еще тянется от пожара. Здорово накрыли наши — и всю батарею и склад!..

Опять с удивлением подумал: как получилось, что остался жив? Вот рация не уцелела. Больше о себе знать не дашь. Значит, надо вернуться живым!

Аккуратно сложив карту, Мурашев проверил запалы двух последних гранат, затвор и диск автомата. Отломил от дерева кусочек коры, пожевал. Наложил на карту компас, внимательно примерился к вздрагивающей стрелке. „Лучше бы, конечно, сделать глубокий обход, выйти болотами. Но куда там! Не осилить. Пойду напрямик!“

Бережно сложил карту, уперся в мох руками, с усилием встал и медленно, неслышно побрел, огибая воронки. До опушки можно итти в рост.

„Если б хоть пару сухарей! — Мурашев с досадой всмотрелся в мох. — И клюквы-то нету!.. Конечно, винить некого: рассчитал на три дня, а идет уже девятый. Но как же не поинтересоваться, куда по просеке тянут на тракторах тяжелые пушки. Прошел следом, обочинами, кустарником. И правильно сделал: обнаружил батарею и успел сообщить нашим. Так и не пришлось немцам пустить по Ленинграду ни одного снаряда. Накрыли их!“

Мурашеву стало необычайно весело: на минуту он даже забыл, что самое трудное еще впереди.

Вот и опушка леса. Пустырь, перепаханный советскими минометами и орудиями. Воронки. Ходы сообщения. И траншея, — широкая! — просто улица, вкопанная в мох и перекрытая сверху ветвями.

Мурашев лег на землю, подполз к последним кустам опушки. Теперь понятно, где они боеприпасы к переднему краю подвозят. Надо отметить!

Вынул карту, помуслил красный карандаш, провел новую линию. Пересчитал землянки и блиндажи, виднеющиеся впереди, нанес и их тоже. Прямо перед собою заметил два бугра: минометные батареи. По ходу сообщения шли немцы.

Мурашев прикрылся мхом: он пролежит здесь до ночи и будет наблюдать. Все-таки, какое это мученье — голод! Кажется, ничего особенного не сделал сегодня, а голова кружится. А ведь его, Алешку Мурашева, на всю округу первым богатырем считали. По восемьдесят килограммов аммонита таскал. Поднесет к шурфу, заложит в скалу, лоб только рукавом оботрет, — и за новым грузом! Лучшим взрывником на комбинате прослыл... А как пригодилось всё это! На фронт попал, и блиндажи и взрывы — дело знакомое. И теперь, когда по мосту пробирался, ловко взорвал полный фрицев эшелон с двумя паровозами.

И вспомнив об этом взрыве, Мурашев снова развеселился.

В таких думах проходил вечер. На карте появилось еще немало значков: немцы возили мины и шныряли между землянками, в дзотах сменились пулеметчики. Ближе к Мурашеву не подходил никто.

В темноте линию фронта перейти было б не так трудно. Ночь, однако, подошла белая. Только чуть сгустились сумерки; наплыли низкие тучи. Мурашев пополз напрямик между расщепленными пнями, от воронки к воронке. Подполз к дугообразной траншее. Немцы забрались уже в землянки, по траншее разгуливал один лишь часовой. Когда он завернул за угол, Мурашев, собрав силы, перемахнул через траншею, упал за бруствером, затаился. Часовой прошел назад в трех шагах. Впереди преграда — колючая проволока. Мурашев высмотрел в ней проход, сделанный для немецких снайперов. Выждал еще. Снова пополз, миновал проволоку благополучно, заодно перерубил ножом неприятельскую телефонную линию. Колючая проволока, минное поле, — всё осталось позади, и вдруг затарахтел пулемет. И вслед за его трассирующей очередью грохнулись сразу три мины. Замечен!

Мурашев скатился в старый, полузаваленный ход сообщения, прополз еще метров пятьдесят вперед, затаился в воронке. Наплыла слабость, голова закружилась. „Вдруг не дотяну?“ А немцы били и били из миномета по тому месту, откуда ему удалось уползти. И когда, наконец, немцы угомонились, Мурашев выполз. Он собрал последние силы, вскочил и опрометью перебежал последние сто метров, отделявшие от нашего переднего края. Подбежал к нему и упал, теряя сознание от слабости. Вокруг засвистели пули. Но чьи-то сильные руки втащили его в землянку передового наблюдательного поста. И сквозь туман до сознания дошло:

— Ничего браток, теперь — дома!..

В „Книге Джунглей“ Киплинга рассказывается о Маугли — мальчике, воспитанном животными Джунглей.

Подобно хищным зверям, среди которых он вырос, Маугли хорошо видел ночью, по запаху мог определить кто пробирается в лесной чаще. Словом, Маугли мало чем отличался от четвероногих обитателей лесов. Но при этом Маугли был смел и разумен, как человек.

История мальчика Маугли и все его похождения — это вымысел писателя Киплинга.

А существуют ли вправду дети, воспитанные животными? И если они есть, то похожи ли они на киплинговского Маугли?

Вот один достоверный случай. В 1920 году недалеко от глухой индийской деревушки охотники не раз видели около волчьей берлоги двух маленьких косматых девочек. Когда берлогу разрыли, два волка убежали, а волчица осталась. Охотники убили ее копьем и вытащили из глубины берлоги двух девочек.

Голые, грязные, лохматые девочки кричали по-звериному, царапались и даже пытались кусаться.

Этих двух одичалых девочек наблюдал ученый Келлог. Он рассказывает о них вот что. Одной было лет восемь, другой — года три. Вероятно, это были сестры. Живя с волками, они совершенно одичали. Они бегали только на четвереньках, ртом хватали сырое мясо — единственную пищу, которую они признавали. А запах мяса эти девочки чуяли на большом расстоянии.

Девочки были пугливы и сторонились других детей. Днем они сидели забившись в угол, а ночью становились смелее, и глаза их начинали светиться особым блеском.

Младшая — ее называли Амалой — умерла через год. А старшая — Камала — прожила еще восемь лет.

За эти годы девочка научилась ходить как все люди и начала немного говорить. Она усвоила около ста слов. Но приучить ее есть растительную пищу так и не удалось. Иногда, и то неохотно,

ВОЛЧЬИ ДЕВОЧКИ

И

ОБЕЗЬЯНИЙ МАЛЬЧИК

она пила молоко. Одежду девочка сдирала с себя и рвала. Для нее приходилось шить особо прочные платья.

Умерла Камала от истощения, которое развилось потому, что она всегда ела однообразную пищу — только мясо.

Ученые до сих пор не могут многого объяснить: как попали обе девочки к волкам? Почему волки не растерзали их? Как могла так сильно одичать старшая девочка, если допустить, что она очутилась среди волков лет пяти — шести вместе с младшей сестрой? Возможно, что девочки очутились в берлоге волков в разное время и младшую подбросили к волкам позднее. Быть может, старшая девочка залезла в волчье логово в отсутствие взрослых волков и, оставаясь с волчатами, приобрела их запах. Когда же взрослые звери возвратились сытыми, они ее не тронули.

На все эти вопросы ученые не могут дать точного ответа.

Другой случай произошел в Южной Африке.

В 1903 году два полисмена, проходя по поляне, увидели стадо обезьян-павианов и открыли по ним стрельбу. Обезьяны разбежались и спрятались в скалах. На поляне остался только один молодой павиан. Полисмены подошли к нему поближе и с изумлением убедились, что это был вовсе не павиан, а мальчик, одичавший человеческий ребенок.

Поймать его оказалось нелегко. Он ловко прыгал, кусался, царапался, визжал и скалил зубы...

Целый год дикий мальчик провёл в госпитале. Он предпочитал ходить на четвереньках, горячую пищу он отвергал, зато любил сухие зерна и плоды. Потом „обезьяньего“ мальчика взял один фермер.

Эту необыкновенную историю узнал ученый Раймонд Дарт. Он решил сам посетить „обезьянь-

его“ мальчика. Сделать это удалось ему только спустя тридцать пять лет, в 1938 году.

Ученый приехал на ферму, где жил Лукас (так называли мальчика), и познакомился с человеком, которому было около пятидесяти лет. Это и был воспитанник обезьян. Даже в почтенном возрасте у Лукаса сохранилось немало обезьяньих повадок.

Как Лукас попал к обезьянам, он не помнил. А то, что он помнил, он рассказал ученому и показал как он бегал на четвереньках.

Утром павианы отправлялись на розыски пищи, и вместе с ними Лукас. Они ели разные луковицы, коренья, плоды кактусов, червей. Иногда стадо совершало набеги на кукурузные плантации, чтобы полакомиться зернами или молодыми побегами.

Как и павианы, мальчик очень любил мёд диких пчёл. Но пчёлы очень больно жалили его, — ведь его тело не было покрыто шерстью, как тело обезьян. Однажды во время набега на гнездо страуса рассерженная птица так сильно лягнула мальчика в голову, что у него на всю жизнь остался шрам.

К заходу солнца павианы забивались на ночлег в гущу кустарника или под навес скал. И вместе с детенышами, прижавшись друг к другу, в середине стада устраивался и Лукас.

Сколько лет прожил Лукас у обезьян, точно установить нельзя. Видимо, около десяти лет. Известно, что лет за десять до того, как нашли одичавшего мальчика, у одной женщины, когда она работала в поле, пропал сын. Быть может, в это время проходило стадо павианов и какая-нибудь обезьяна утащила ребенка. Павианы очень нежны с детенышами и готовы приласкать не только своего, но и чужого.

Вот что известно в науке о детях, воспитанных зверями. О чем говорят эти два случая? О том, что человеческий ребенок становится настоящим человеком только тогда, когда он находится среди людей, в человеческом обществе.

ПОЖАРНЫЕ АВИАЦИИ

На английских аэродромах всегда дежурит пожарная машина. Это особый автомобиль, — в нем имеются запас воды, огнетушители, асбестовый костюм, в котором человек может работать в огне.

Пожарный отряд внимательно следит за каждым поднимающимся или приземляющимся самолётом. По тому, как летит самолёт, как делает он круги перед посадкой, как приземляется, как работает его мотор, эти люди предугадывают аварию. И если над аэродромом появляется самолёт, поврежденный во время воздушного боя,

пожарная машина уже мчится к месту его посадки. Много хлопот доставляет аварийным отрядам во время бомбежки и обстрела аэродромов. Но пожарные бесстрашно и хладнокровно тушат загоревшиеся самолеты и спасают летчиков из огня.

Как много самолётов сгорело бы, если бы аварийный отряд во-время не оказал им помощи! Как много лётчиков погибло бы, если бы пожарные не спасли их из загоревшихся машин! А теперь спасенные лётчики на уцелевших самолетах бомбят города немцев, истребляют их войска и самолёты. И в этом заслуга пожарных авиации.

РАССКАЗЫ

ИЗ

ИСТОРИИ

ХИРУРГИИ

Крови в теле человека содержится около одной тринадцатой всего его веса. Быстрая потеря трети крови опасна для жизни, потеря половины почти всегда смертельна. Эта смертельная опасность угрожает человеку, когда при ранении у него повреждены крупные артерии, когда кровь, как говорят, «бьет ключом».

Очень долгое время врачи не умели справиться с кровотечением из крупных артерий. При операциях хирурги, зная, как расположены артерии, старались не повредить их.

Но это не всегда было возможно. Если, например, следовало ампутировать (то есть отнять) руку или ногу, то неизбежно приходилось перерезать главные их артерии. И тогда человеку грозила смерть от кровотечения.

Так же бессильны были хирурги, когда к ним попадал раненый с повреждением крупных артерий.

СМОЛА И ПРОВОЛОКА

От сильного жара кровь свертывается гораздо быстрее и образуются более плотные кровяные сгустки. Значит, от жара кровотечение должно остановиться скорее и надежнее.

Поэтому хирурги стали ампутировать раскаленными докрасна ножами. Но тонкое лезвие ножа быстро остывало. Рядом с хирургом во время ампутации ставили жаровню с углями; в ней накаливало несколько ножей. Хирург менял ножи и всю операцию делал раскаленным лезвием. Но и это оказалось недостаточно. Тогда изобрели новые инструменты — прижигала: массивный кусок металла на железном пруте с деревянной ручкой, вроде паяльника. Раскаленное прижигало прикладывали к ране, старались обуглить то место, где перерезана артерия.

Создалась даже целая наука о прижиганиях: «хирургическая пиротехника». Инструменты для прижиганий делали самых разнообразных форм и размеров, даже из серебра и золота. Но и золото помогало плохо.

Тогда придумали новое, чудовищное средство. Быстро ампутировав руку или ногу, хирург погружал кровоточащий конец остатка конечности в котел с кипящей смолой. Смола мгновенно сварила живые ткани. Раненая поверхность залепляется сплошной коркой. Кровотечение, действительно, сразу прекращалось.

У шатра военного хирурга горел костер. Над ним в котле кипело масло, смешанное с разными лекарственными веществами. Хирург втискивал поглубже горлышко воронки в рану и черпаком лил в нее кипящую смесь... Более поверх-

ностные раны прижигали каленым железом. В те времена наркоз был неизвестен. Вытерпеть такую пытку могли лишь немногие. А того, кто перенес ее, ждали новые испытания: сваренная смолой кожа, мышцы и кость постепенно начинали отгниваться. Рана заживала бесконечно долго.

Некоторые хирурги применяли другой способ. Чтобы ампутировать ногу выше колена, вокруг бедра накладывали петлю из проволоки или тонкой цепочки и начинали ее медленно стягивать. Проволока или цепочка постепенно впивалась все глубже и, наконец, отщепляла все мягкие ткани. Кровеносные сосуды передавливались. Когда петля доходила до кости, ее снимали, а кость перепиливали. Ампутация была закончена.

Действительно, эта операция совершалась почти бескровно. Но как только прекращался ток крови в сосудах конечности, отдаленная часть ее омертвевала и начинала разлагаться, и наступало заражение крови.

Боль от врезавшейся в тело петли была невыносима. Операция продолжалась не меньше недели; все это время больной не имел ни одной минуты отдыха от боли, не мог ни есть, ни спать.

Бескровные ампутации не были выходом из положения.

НИТКА ЦЫРЮЛЬНИКА — РЕЗИНОВЫЙ ЖГУТ

Выход нашел один французский цырюльник. Этого замечательного человека звали Амбруаз Парэ. На шестнадцатом году жизни он сбежал из захолустной цырюльни в Париж учиться хирургии. Он не мог поступить в университет, так как не имел почти никакого образования. Он не знал даже латинского языка, а на нем в то время писались все научные книги. У него не было денег, но зато были светлый ум, безграничная работоспособность и любовь к хирургии.

Он начал свою деятельность цырюльным подмастерьем в парижской больнице и стал величайшим учителем хирургии и хирургом четырех королей.

Как и многие гениальные изобретения, предложение Парэ было необычайно просто: он стал перевязывать кровеносные сосуды. Ухватив в ране кончик перерезанной или перебитой пулей артерии небольшими щипчиками, он слегка вытягивал его из раны и перевязывал поперек крепкой ниткой. Если этого нельзя было сделать в самой ране, то Парэ обнажал небольшим разрезом кровоточащую артерию несколько выше на здоровом месте и перевязывал ее здесь. Это все. Любое кровотечение сразу и надежно останавливалось.

Это было триста семьдесят семь лет назад. Мы с благодарностью вспоминаем имя Парэ и теперь. За это время его искусство сохранило жизнь миллионам людей.

Способ Парэ — перевязка сосудов — основной в борьбе с кровотечениями и в настоящее время. Но перевязать артерию может только хирург. А хирургу нужна операционная, хотя бы в палатке, в блиндаже, в подвале, с инструментами, с перевязочным материалом, с помощником.

Но раненому, истекающему кровью на поле сражения или на улице бомбардируемого города, надо помочь немедленно. Пока его доставят в операционную, он может погибнуть.

И в этом случае первую помощь может оказать каждый.

Если из раны на ноге или на руке кровь бьет алой струей, то надо туго перетянуть раненую конечность выше ранения. Санитары и фельдшера всегда имеют в своих сумках для этой цели резиновые жгуты с застежкой. Если особого жгута нет,

перетягивают конечность веревкой, скрученным платком или полотенцем.

Перетягивать надо туго, иначе будут сдавлены только вены, потому что у артерий стенки более толсты и упруги.

Если нехватает силы, то под наложенный жгут из платка или веревки подсовывают какую-нибудь палочку, карандаш, туго закручивают им жгут и закрепляют.

Раненый с перетянутой конечностью должен попасть к хирургу не позднее чем через полтора—два часа, иначе конечность ниже наложенной перетяжки, лишённая притока крови, омертвевает, и ее придется ампутировать. Поэтому поверх повязки таким раненым на фронте прикрепляют какой-нибудь условный знак, хотя бы кусочек цветного картона. Это сигнал для хирурга, что раненым надо заняться в первую очередь.

ЧИСТАЯ РУБАШКА

Повязка помогает остановить кровотечение и защищает рану от заражения. Свежую рану нельзя ничем трогать; даже если на самой ее поверхности лежат осколки кости или снаряда, их не надо касаться. Нельзя ничем смазывать рану или промывать ее. Струя воды или какого-нибудь раствора смывает кровяные сгустки, усилит кровотечение и, затекая в рану с загрязненной кожи, обязательно заразит рану. Если есть под руками иод, то следует смазать им только кожу у краев раны.

В рассказах и очерках можно нередко прочесть, как хирург на перевязочном пункте „промывает“ и „зондирует“ свежие раны. Все это вздор. Ни один хирург в мире не поступает теперь так. Это делали много лет назад, когда еще ничего не знали о гнойных микробах, вызывающих заражение раны.

Можно встретить и другие описания, как раненый, добравшись до болота или речки, поливает свою рану водой, или оказавшийся рядом товарищ обмывает ее из фляжки. Если так поступают еще

некоторые раненые бойцы, то, значит, им никто не объяснил, что этим они могут принести себе непоправимый вред.

На рану можно класть только специально обработанный перевязочный материал, который хранился в плотно закрытой банке или в запечатанном пакете. Нельзя, накладывая повязку, расправлять ее или разглаживать руками и вообще прикасаться к той ее поверхности, которая ляжет на рану.

Для оказания себе или товарищу первой помощи при ранении каждый боец во всех армиях снабжается теперь особым индивидуальным пакетом, состоящим из двух готовых повязок (на случай сквозного ранения) и бинта, заделанных в резиновую или жестяную упаковку. Бойцов обучают, как вскрывать пакет и наложить повязку, не касаясь раны руками.

Если нет настоящего перевязочного материала, то в крайнем случае на рану можно положить чистое, недавно выглаженное белье. Если не найдется такого белья, то лучше рану оставить совсем открытой, а не перевязывать чем попало.

О том, как опасно загрязнять рану, люди догадывались уже давно. Сохранилось немало описаний больших сражений, и почти всегда в этих описаниях повторяется одна интересная подробность: готовясь к бою, солдаты мылись, брились и надевали чистое белье. Обычно это объясняли военным обычаем идти в бой, как на парад, или благочестивыми чувствами солдат, которые хотели приготовиться к возможной смерти. Это неверно.

На самом деле солдаты, служившие раньше почти всю свою жизнь и часто не раз уже раненые, смутно понимали, что рана, перевязанная обрывком грязной, заношенной рубахи, заживает хуже, чем перевязанная чистым лоскутом.

Никакого другого перевязочного материала у солдат не было. Перевязывать рану приходилось рубашкой.

Ф. Копылов

СОДЕРЖАНИЕ

Мы наступаем. Стих. Л. Хаустова	1	Рассказ разведчика. Стих. А. Прокофьева. Рис. Г. Петрова	18
Год великих побед. Вера Кетлинская. Заставка В. Бомаш	2	Чей язык острее? А. Бек	19
Знаешь ли ты, что . . . ?	5	Как определить время? Ис. Слопим	20
Юрка-пенёк. Рассказ Е. Катерли. Рис. Н. Петровой	6	О смелых и отважных	
Про богатыря А. Флит. Рис. В. Конашевича	9	Возвращение. П. Лукницкий	21
На далекой фактории. В. Беллев. Рис. А. Медельского	10	Волчи девочки и обезьяний мальчик	22
Щуке дремать — добычи не поймать	11	Пожарные авиации	22
В школе у девочек. Фото Л. Трахтенберга	12	Рассказы из истории хирургии. Ф. Копылов	23
2000 миль под водой. Повесть А. Зонина. Рис. Н. Петровой.	14	Великий гетман. Рис. Т. Правосудович. 2-я страница обложки	
		Учись ползать. Рис. Т. Цинберг. 3-я страница обложки	
		Азбука моряка. Рис. Бомаш. 4-я страница обложки	

На обложке рисунок А. Пахомова „Юный мастер“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакция: Г. Яблоновая (отв. редактор), Ф. Октябрьская, Л. Успенский, Н. Штейнберг и Н. Теребинская.

УМЕЕШЬ-ЛИ

ТЫ

переползать

?

На войне, чтобы не выдать своего присутствия врагу, чтобы уберечь себя от неприятельских пуль и осколков снаряда, бойцы не бегут во весь рост, а переползают.

Проползать иногда приходится довольно большие расстояния, и человек непривычный отстанет от товарищей. Поэтому искусству ползти — и притом ползти незаметно — наши бойцы обучаются заранее.

Есть разные способы переползания, и лучшими считаются два: по-пластунски и по-тюленьи.

По-пластунски боец ползет как ящерица, не отрываясь ни на миг от земли. Вытягивает левую руку вперед и одновременно подтягивает правую ногу вправо, сгибает ее в колене, не поднимая над землей. По-

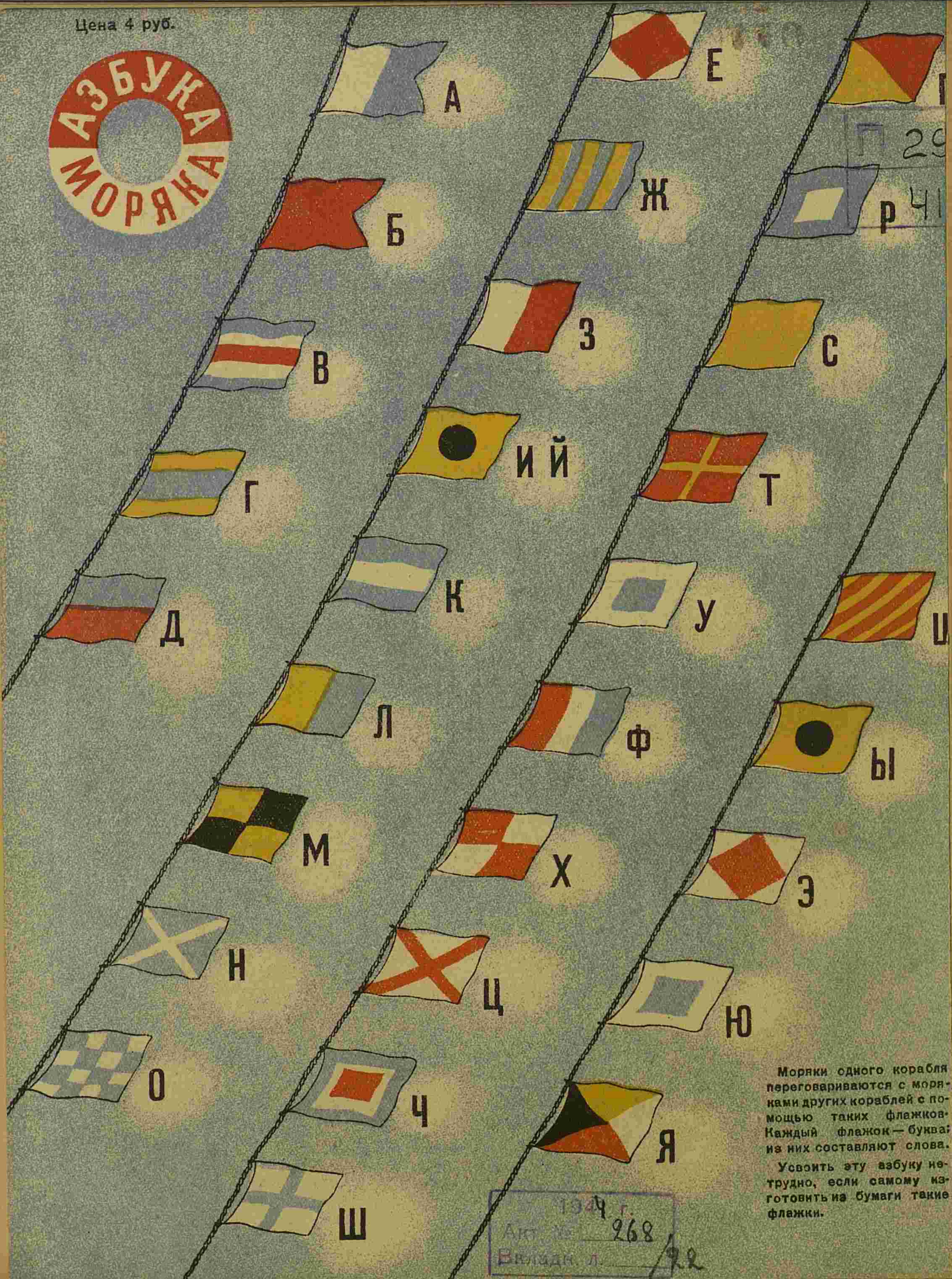
том, опираясь о землю ладонью левой руки и коленом правой ноги, он подтягивает свое тело на шаг вперед. Затем меняет руку и ногу: вытягивает вперед правую руку и в то же время подтягивает левую ногу влево, так же прижимая ее к земле. И снова пластом продвигается на шаг вперед.

По-тюленьи ползут так: отталкиваются от земли локтями рук и носками ног так, как ползет по земле тюлень, отталкиваясь от нее плавниками и хвостом.

Так проползают бойцы большие расстояния. Если ты будешь тренироваться, то в совершенстве овладеешь искусством переползать. Оно пригодится тебе и во время военизированных пионерских походов и позже, когда тебе будет доверена честь защищать Родину.

АЗБУКА МОРЯКА

Моряки одного корабля переговариваются с моряками других кораблей с помощью таких флажков. Каждый флажок — буква; из них составляют слова. Усвоить эту азбуку нетрудно, если самому изготовить из бумаги такие флажки.

1944 г.
 Акт № 268
 Владн. л. 192